

БЫВШАЯ ЖЕНА, КОТОРУЮ ДРАКОН НЕ ОТПУСТИЛ

Александр Витальев

Александр Витальев

**Бывшая жена, которую
дракон не отпустил**

«Автор»

2026

Витальев А.

Бывшая жена, которую дракон не отпустил / А. Витальев —
«Автор», 2026

Он вычеркнул меня из рода, когда ему понадобилось жениться на чужой. Теперь я нужна младшей сестре, и ради нее я готова забрать у бывшего мужа-дракона только свои бумаги и исчезнуть. Но стоило переступить порог его дома, как кожа вспыхнула отметиной брака, которую нельзя ни стереть, ни отменить. Дракон делает вид, что моя боль его не касается. Я делаю вид, что его прикосновения больше не имеют надо мной власти. Чем громче сплетничает двор о женщине, которую он якобы-то выбросил, тем яснее я вижу: у его измены была цена, которую он заплатил не сам. И если я хочу свободы, мне придется выяснить, какую тайну он прятал, пока я училась ненавидеть его имя. Остаться в его доме - значит снова довериться лжецу. Сбежать - значит потерять сестру. Вопрос только в том, кому из нас первым надоест притворяться, что между нами ничего не осталось.

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	5
Глава 2. Ключ от кухни	11
Глава 3. Чужие духи	18
Глава 4. Общий обед	24
Глава 5. Разговор после совета	31
Глава 6. Долг в книге	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Витальев

Бывшая жена, которую дракон не отпустил

Глава 1. Письмо на столе

Я промокнула перчатки о фартук и еще раз перечитала строчку. Почерк был его, но чернила чужие — слишком синий отлив, будто писали на севере, где в сажу подмешивают можжевельник. Я знала этот отлив. Им пахли страницы из материнского стола, когда я была маленькой и думала, что замужество пахнет воском и кожей.

— Риана, к воротам, — сказала Лара из-за двери, не заходя. Она никогда не заходила в коженную без спроса с тех пор, как увидела, что я держу в руках письмо с гербом.

Я свернула лист и сунула его под пояс, где уже лежали три других. На столе остались недоклеенный сапог, мелкая щетка и банка с рыбьим клеем. Пальцы у меня пахли рыбой, и я не сразу поняла, что от них пахнет и его чернилами. Метка на запястье, которую я три года прикрывала широким рукавом, кольнула холодом. Я развязала фартук, повесила его на гвоздь и пошла к двери. По дороге успела подумать: если это стража совета, у меня в кармане лежат три письма, которые я еще не сортировала, и одно из них — с вензелем Седой.

У ворот стоял не он. Стоял Дарен, поверенный городского совета, в своем вечном сером плаще, и рядом с ним двое стражей с гербом пяти родов — дубовый венец и сломанное крыло. Не родовой знак Вейрхов. Это был знак совета.

— Мне нужен ваш залог, — сказал Дарен, не здороваясь. — Печать рода Вейсар числится замужней. По нашим записям, вы все еще жена лорда Арта. Пока печать жива, вы не можете покинуть три лиги от замка без его крови на браслете или письменного отказа совета пяти родов.

Я повесила сумку обратно на локоть. Сумка была тяжелая: инструменты, моток ниток, початая банка дубовой смолы, мелкая монета, которую я копила на выкуп Сони, и письмо, которое я только что нашла. Письмо было от его матери, от Седой, и в нем прямо говорилось, что Ника не выдержала проверку огнем. Брак был фикцией. Я нашла его случайно, чиня сапог одного из мальчишек с кухни, которому мать зашивала подкладку. В подкладке лежало письмо, потому что мальчишка таскал бумаги из кабинета для растопки, а одна бумага оказалась слишком важной для печки.

— У меня нет крови лорда Арта на браслете, — сказала я. — И нет его согласия.

— Значит, вы остаетесь, — ответил Дарен. — И совет просит вас завтра к полудню в храм Огня. Настоятельница Иввей хочет вас видеть.

Я не двинулась. Метка кольнула снова — уже теплом. Это значило, что он где-то рядом. Метка всегда чувствовала его кровь, даже когда я не хотела. Три года назад я уходила из этого дома в одной рубашке, с ребенком в животе, который я потом потеряла в дороге, потому что меня догнали на второй день и вернули. Вернули не его люди — вернул закон. Печать на запястье сожгла меня до волдыря, когда я перешла черту третьей лиги, и стража Вейрхов нашла меня в канаве у моста.

— Зачем Иввей? — спросила я.

— Она снимает печати. Или подтверждает, что они живы, — Дарен впервые посмотрел мне в глаза. — Если печать жива, совет будет решать, считать ли брак формальным. Если мертва, вы свободны и ваша сестра тоже.

Я сжала локоть с сумкой. Монета внутри больно ткнулась в бедро. Я копила ее два года, по грошу с каждого сапога. Я хотела выкупить Соню у матери, которая продавала младшую дочь за долги. Я хотела уехать на юг, открыть свою мастерскую, никогда больше не слышать

запах его чернил. А теперь я стояла у ворот его дома, в котором меня считали опозоренной, с письмом о его лжи за поясом, и совет пяти родов давал мне шанс либо стать женой, либо стать вдовой при живом муже.

— Я приду, — сказала я. — Но сначала мне нужно в лечебницу. У меня больной.

Дарен кивнул и ушел. Стражи остались — это было уже не его решение. Совет прислал своих людей, и теперь двор видел: я не уехала. Я не смогла уехать. Я стояла у ворот замка Вейрхов с саквояжем в руке, и метка на запястье грела, как будто дом меня узнавал. Метка была холодной уже на второй день пути — теперь она горела ровно, без толчков, и от этого мне стало страшнее, чем от стражей с фонарем.

Арт вышел сам. Без слуг, без управляющего, в простой серой рубашке с расстегнутым воротом. У него было обожжено крыло — я видела, как он держит правую руку чуть ниже, чем нужно. Метка отозвалась жаром, и я впервые за три года поняла, что он тоже ранен. Я не поверила этому пониманию. Я привыкла не верить.

— Ты вычеркнута из рода, — сказал он, остановившись в трех шагах. Голос был низкий, ровный. — Но метка решила иначе. Двор это услышит.

Я повесила сумку обратно на локоть, потому что отпускать ее не хотела, а держать в руках перед ним — значило показать, что я пришла. Я не пришла. Меня не пустили.

— Мне нужна комната рядом с лечебницей, — сказала я. — И кладовая трав. Я не буду жить в хозяйском крыле.

Он посмотрел на мою руку, где под рукавом горела метка. Потом на мою сумку, из которой торчал хвостик рыбьего клея. Потом мне в глаза.

— Торис проводит тебя в восточное крыло, — ответил он. — Ключ получишь у Лары.

Я развернулась и пошла к дому, потому что стоять и дальше означало торговаться взглядами, а я пришла не торговаться. Я пришла работать. А письмо Седой жгло мне поясницу сквозь ткань, и я знала, что эта бумага стоит дороже моей монеты, моей мастерской и всей моей бывшей жизни.

Я оттолкнула калитку плечом, и она скрипнула — звук вышел тонкий, обиженный, будто петли не хотели меня впускать после трехлетней разлуки. Во дворе пахло мокрым камнем и лошадиным потом. Сумка оттягивала плечо, рыбий клей внутри уже подсыхал, и я чувствовала это сквозь кожу. Торис ждал у крыльца — невысокий, в аккуратной темной куртке, с ключами на поясе. Управляющий. Новый, чужой, присланный старейшинами.

— Комната в восточном крыле, — сказал он. — И кладовая за лечебницей.

Я кивнула. Сказать «спасибо» означало бы принять его гостеприимство, а я не в гостях. Мне нужна была работа. Лечебница. Практическая задача, которую можно выполнить руками, не спрашивая разрешения у бывшего мужа, чей дом я когда-то называла своим. Пока я шла за Торисом, считала шаги до двери — они должны были стать мерой моей свободы. Их было семьдесят три. Я запомнила.

В лечебнице воняло. Не медикаментами — запустением: сухие травы, рассыпанные по полкам, банки без крышек, пустой стол для перевязок, грязные бинты в углу. Серебряный инструмент Ники лежал в ящике нетронутый. Очевидно, она пользовалась им как украшением. Я открыла окно, потом сняла куртку и повесила на гвоздь — Соня потом зашьет рукав, он протерся. Я достала из сумки собственные инструменты: скальпель из дамасской стали, который мне достался от матери, нитки, крючки, две баночки с мазью, корень алтея в мокрой тряпке. Положила все на стол, который сам был рабочим.

У печи стоял кувшин с водой. Я приподняла крышку — вода была холодная. Торис смотрел, не предлагая помощи, но я не звала. Я сама развела огонь, поставила кувшин греться, достала из сумки письмо Седой и сунула его под матрас в комнате рядом — не в самое сердце кровати, а между досками кровати и стеной, где его никто не догадался бы искать. Двор видел,

что я вошла. Повариха видела, как я несла сумку. Арт видел. Ника узнает к вечеру. До вечера я успею сделать то, что не получится сделать потом.

Я поставила вариться мазь от ожогов, потому что когда-то знала, что мазь нужна. Мне было все равно, для кого. Ожоги в этом доме были хронической болезнью. Метка на запястье под рукавом была холодной — он ушел далеко. Это меня устраивало. Я раскрыла хозяйственную книгу, которую Торис оставил на столе — не мне, а себе, забыв, что комната уже моя. Книга была открыта на разделе расходов за последние два месяца. Цифры были неровные: одно серебро на свечи, пять — на закупку зерна, которого я не видела на кухне, странная строка про оплату услуг портнихи из столицы, которой здесь отродясь не бывало.

— Кто вел книгу? — спросила я, не оборачиваясь.

— Лара, — ответил Торис. — До прошлого месяца. Сейчас я.

— А до Лары?

— Ника.

Я закрыла книгу. Пять листов расхождений, в которых каждая третья строка была липой, — это были не сплетни. Это было юридическое основание для совета старейшин. Я засунула книгу под мышку. Она была тяжелая, тяжелее, чем была на самом деле. За дверью послышались шаги — легкие, осторожные, по-детски. Я не обернулась, потому что слышала по ритму: это была Нитта, восьмилетняя девочка, которую я встретила в кухонной пристройке, когда она спала там на тюфяке. Она боялась нового хозяина дома и боялась стражей. Она не боялась меня.

— Здравствуй, — сказала я, протягивая руку без инструмента. — У тебя есть больной? У тебя есть рана? Или ты просто пришла?

Девочка посмотрела на меня снизу вверх. Она была босая, в чужой рубашке до колен, со сбитым локтем. Под рубашкой угадывалась худоба. Я достала чистый бинт, не спрашивая разрешения. Она протянула руку. Я перевязала ей локоть, пока мазь грелась, пока повариха на кухне стучала ножом, пока где-то за стеной Ника считала серебро, не зная, что кто-то уже считал его раньше нее.

Пока мазь грелась, я пересчитывала страницы книги. Пальцы у меня были холодные, чернила на старых листах смазались, и некоторые цифры я разбирала на ощупь. Три подписи Ники шли одна за другой: двадцать серебра на «ткани для чехлов», одиннадцать — на «воск для печатей», четырнадцать — «за работу кухарки из столицы». Никакой столичной кухарки в замке не было. Я знала это, потому что три года варила суп в котле на этой кухне, и единственная кухарка здесь пахла луком и чужим потом, а не дорогим мылом.

Нитта сидела на низкой табуретке у двери и молчала. Она не плакала и не жаловалась — просто сидела и смотрела, как я работаю. У нее был сбит не только локоть, но и колено, и я видела синяк под левым ухом, слишком ровный для падения. Я записала в своей памяти: спросить у Лары, кто ее привел и кто оставил. Потом. Не сейчас.

Шаги в коридоре были тяжелыми. Я узнала их раньше, чем услышала голос. Арт. Он остановился в дверном проеме — не вошел, потому что в лечебнице было тесно, и потому что я не пригласила. В правой руке он держал свернутый бинт, новый, чистый, из хозяйского запаса.

— У тебя нет перевязки, — сказал он. — Лара сказала, что ящик пуст.

Это была проверка. Я видела, как он смотрит на мою руку под рукавом, и знала, что он чувствует жар метки через дверной проем. Метка отозвалась мгновенно — запястье обдало жаром, будто кто-то плеснул горячей водой на свежую рану. Я не повела бровью.

— Бинт в ящике, — ответила я, не оборачиваясь. — Я положила три штуки под мазь, чтобы не пачкались.

Он сделал шаг в комнату, и метка вспыхнула сильнее. Нитта вжалась в стену. Я почувствовала это спиной и накрыла ладонью чистый бинт, не отрывая взгляда от книги.

— Положи на стол, — сказала я. — И выйди.

Он положил. Бинт упал рядом с моим скальпелем, и они легли не рядом, а напротив — как два ответа на один и тот же вопрос. Арт не двинулся. Я подняла голову и впервые за день посмотрела ему в лицо. У него на скуле была свежая ссадина, тонкая, как трещина на фарфоре. Он получил ее сегодня. Не вчера.

— Я не спрашивала, кто тебя ударил, — сказала я.

— Я знаю, — ответил он. — Ты спрашиваешь, зачем я пришел.

— Я не спрашиваю.

Он усмехнулся одним углом рта, и я увидела, как дрогнула кожа вокруг его глаз. Он выглядел уставшим. Не как лорд, уставший от дел, — как человек, который давно не спал. Метка на моем запястье пульсировала в такт его дыханию, и я знала, что он это чувствует с другой стороны.

— Я принес дрова, — сказал он наконец. — Печь в этой комнате не тянет.

Это была правда. Печь действительно не тянула. Я посмотрела на груды поленьев у стены — их было шесть, нарубленных ровно, как для камина, а не для рабочей печи. Он нарубил их сам. У него на пальцах были свежие мозоли, и я подумала о том, как давно драконий лорд не работал руками в собственном доме.

— Спасибо, — сказала я, и слово вышло сухим, как трава, которую я только что заваривала.

Он кивнул. Повернулся. В дверях остановился, не оборачиваясь, и голос его стал тише.

— Мазь, которую ты варишь, — спросил он, — она от ожогов?

— Да.

— Мне нужна банка. Крыло горит по ночам.

Я подняла голову. Он впервые сказал это вслух — при мне, при Нитте, при Торисе, который стоял за дверью и делал вид, что не слышит. Крыло горит по ночам. Это была не жалоба и не просьба. Это был кусок правды, которую он раньше прятал, а теперь положил рядом с моим скальпелем, как ответ.

— Я приготовлю, — сказала я. — Завтра. Не сегодня.

Он вышел. Шаги удалились, тяжелые, ровные. Метка медленно остыла, и я выдохнула так, будто только что задерживала дыхание. Нитта посмотрела на меня снизу вверх, и в ее взгляде я увидела то, что взрослые прячут глубже: уважение к человеку, который не сломался под чужим весом. Она протянула мне здоровую руку, и я дала ей сухую корочку хлеба, которую достала из сумки. Она взяла и начала есть медленно, по-взрослому, растягивая каждый кусок.

Я вернулась к книге. Цифры не сходились, и я начала выписывать их на отдельный лист. Почерк у меня был мелкий, злой, и через десять минут я получила столбец расхождений, который стоил дороже любого признания. Ника не знала, что я умею считать. Арт не знал, что я уже считаю. Торис не знал, что я забрала его книгу, забытую на моем столе. Это было мое утро, и я выиграла его первой.

В дверь постучали. Я подняла голову. Торис.

— Лара просит вас к распределению, — сказал он. — Завтрак. Вы должны присутствовать. Это приказ дома.

— Это не приказ дома, — ответила я. — Это приказ хозяйки, которой здесь нет. Скажите Ларе, что я приду, когда перевяжу ребенка.

Торис посмотрел на Нитту, потом на меня, и впервые за день в его лице что-то дрогнуло. Не улыбка. Понимание.

— Хорошо, — сказал он и ушел.

Я промыла ссадину на локте Нитты, наложила мазь, которую уже сняла с печи, перебинтовала. Девочка сидела тихо, и только когда я завязывала узел, сказала первое слово за все утро.

— Он принес дрова, — сказала она.

— Да, — ответила я. — Он принес дрова. И ссадину на скуле.

— Это не он, — сказала она тихо. — Это она. Та, которая считает серебро.

Я посмотрела на нее. Потом закрыла ящик с инструментами и впервые за утро по-настоящему выдохнула. У меня был свидетель. У меня была книга. У меня был бинт на чужом локте и мазь, которую я должна была отдать человеку, чье крыло горело по ночам. У меня было утро, и я не потеряла его.

Стук в дверь. Не Торис — слишком легкий, слишком неровный.

— Открыто, — сказала я.

Вошла Мира. Запах рыночной пыли и сушеного чабреца ударил сразу, будто открыли окно в чужой город. В руках у нее была корзина, накрытая серым платком, а под платком — что-то тяжелое, глухо звякнувшее при шаге.

— Некогда смотреть, — сказала она, не здороваясь. — У меня для тебя письмо и банка меда. Мед отдам за печать в долг, письмо — просто так. За то, что ты живая.

Она поставила корзину на стол, откинула платок. Под ним лежал запечатанный конверт без адреса, сургуч серый, почти домашний. Я узнала печать: мамина. Тонкий цветок с обломанным стеблем, который она ставила на всех письмах с тех пор, как отец умер.

Я не взяла конверт сразу. Сначала посмотрела на Миру.

— Откуда?

— Принес мальчишка с постоянного двора. Сказал — отдай той, у которой печать горит. Я и принесла. — Мира помолчала, потом добавила тише: — Там еще про Соню. Я не читала. Но мальчишка сказал, что там про Соню.

Мира не стала ждать ответа. Она знала, что я не люблю, когда на меня смотрят в такие минуты, и ушла, не прощаясь. Дверь закрылась за ней с тем мягким стуком, который бывает только в домах, где живут дети.

Я смотрела на конверт. Метка на запястье дрогнула, будто почуяв чужую руку на бумаге. Нитта перестала жевать и тоже смотрела на письмо, прижав здоровую руку к бинту.

— Это плохое письмо? — спросила она.

— Это письмо, которое меняет утро, — ответила я.

Я взяла конверт. Сломала печать. Внутри был один лист, исписанный мелким, торопливым почерком матери — тем самым, которым она писала счета и долговые расписки.

«Риана. Соню отдают лорду Корвену через десять дней. Если ты не пришлешь отказ от своего имени как старшая сестра, я подпишу сама. У меня нет денег. У него есть. Мне все равно, горит у тебя печать или нет. Пришли отказ. Или приезжай. Только не молчи».

Я перечитала дважды. Потом третий раз. Лорд Корвен. Я слышала это имя на рынке у Миры: человек с холодными глазами и привычкой бить младших жен по лицу. Мать это знала. Мать это выбрала.

Я положила письмо на стол, рядом с книгой Ториса, и накрыла ладонью. Метка под рукавом стала горячеей — не от злости, от крови. Я чувствовала, как стучит в висках.

— Лорд Корвен, — сказала я вслух. — Ты слышала это имя?

Нитта мотнула головой.

— И хорошо, — ответила я.

Я сложила лист обратно в конверт и спрятала под корочкой хлеба в сумке. Утро только что стало другим. У меня был десять дней, свидетель, книга с расхождениями и письмо, которое стоило дороже любого признания.

Я посмотрела на дверь, за которой ждал весь этот чужой, разоренный, неправильный дом. В коридоре пахло дымом и чужими духами. Метка грела ровно, терпеливо, как рука, которая знает, что ее все равно позовут.

— Нитта, — сказала я. — Пойдем. Мне нужно найти ключ от лечебницы и человека, который умеет писать под диктовку. У нас десять дней и слишком много работы.

Нитта подошла и встала рядом, прижимая перевязанную руку к груди. Я положила руку ей на макушку — легко, одним касанием — и почувствовала, как под моими пальцами мелко дрожит ее чубчик. У меня был десять дней. У меня была печать, которая не отпускала меня дальше трех лиг. У меня было письмо Седой под половицей и письмо матери под хлебом. У меня была Нитта, которая знала, кто бьет детей в этом доме. У меня была книга с расхождениями, которую я еще не показала никому, кроме себя.

Метка под рукавом грела ровно. Я впервые за три года не хотела, чтобы она остыла.

Глава 2. Ключ от кухни

Ключ висел на поясе у Лары, и мне нужно было его снять.

Я знала эту кухню по памяти, по шраму на стене у печи, по трещине в половице перед кладовой. Здесь пахло сушеной мятой и старым деревом, и три года назад я варила здесь отвар для Арта, когда он сорвал спину, пытаясь закрыть северное крыло в метель. Теперь на крюке висел чужой фартук, а на столе лежала расходная тетрадь Ники с жирными пятнами от пирогов.

— Госпожа, — Лара смотрела на меня тем взглядом, которым смотрят на чужую беду, — кухня под управлением второй жены.

— Второй, — повторила я, и мой голос прозвучал ровно, как на приеме у поверенного, — или временной?

Лара сняла ключ с пояса. Не мне. Она положила его на стол между нами, как кладут монету на спор.

— Ключ от кухни и кладовой отдается жене по праву печати. Печать жива, я проверила. Метка на вашем запястье горит каждое утро у очага, и каменный браслет лорда холодеет к ночи. Пока печать жива, кухня ваша по закону пяти родов. Но договор о приданом Ники подписан покойной Седой, и там прописано право на хозяйское крыло.

Я взяла ключ. Теплый от чужого тела, медный, тяжелее, чем я помнила.

— Хозяйское крыло, — я кивнула на потолок, — это спальни. Кухня не спальни.

— Кухня подчиняется кухарке, кухарка подчиняется экономке, экономка подчиняется жене. Здесь два закона, госпожа. Закон печати и закон приданого.

— Значит, — я повесила ключ на пояс, и металл звякнул о пряжку, — кто-то из нас сегодня будет готовить, а кто-то считать.

Ника вошла через черный ход, и запах ее духов ударил мне в горло раньше, чем я увидела ее лицо. Сладкие, тяжелые, как остывший мед с апельсиновой коркой. Она переоделась к обеду, и на груди у нее висел медальон, который я узнала: его носила Седая. Медальон старшей женщины рода.

— Ключ, — сказала Ника, и я заметила, что у нее дрожат пальцы, — ключ отдала Лара?

— Ключ взяла я, — ответила я. — По праву печати.

Она сделала шаг ко мне. Я не отступила.

— Ты была вычеркнута три года назад, госпожа. Тебя вычеркнул сам лорд Арт, и двор это видел. Медальон матери у меня, договор о приданом у меня, расходная книга у меня. Кухня три года моя.

— Печать, — я подняла рукав, показала запястье, где кожа горела ровным медным светом, — на мне. Каменный браслет лорда холодеет каждую ночь у него на руке. Ты это знаешь, Ника. Проверь сама.

Ника посмотрела на мою руку, и я увидела, как она поняла. Не сегодня поняла, а поняла, что я знаю. Что я давно знаю про браслет.

— Тебя не было три года, — сказала она тише. — Я грела эту кухню. Я кормила лорда, когда он не ел. Я гладила ему рубашки, когда он не спал.

— Я знаю, — я ответила так же тихо, потому что в кухне это был разговор женщин, а не ссора. — Ты грела его кухню. Я грела его тело. Но пока печать жива, кухня и тело принадлежат мне. Я не уеду из замка, и ты это тоже знаешь. Метка не пустит дальше трех лиг без его крови.

Ника отступила. Медальон Седой качнулся на ее груди.

— Если ты войдешь в кухню, — сказала она, — я пойду к совету старейшин. Договор о приданом подписан их рукой. Они решат.

— Иди, — ответила я. — Совет пяти родов решит по закону печати, и ты это знаешь. А пока суд да дело, обед на столе должен быть к полудню.

Она вышла. Лара выдохнула.

— Госпожа, — сказала экономка, — вы только что начали войну.

— Нет, — я сняла чужой фартук с крюка, бросила его в корзину для стирки и достала свой, чистый, выстиранный и сложенный, — я только что вернулась на свою кухню. Войну начали три года назад, когда печать оставили на мне, а невестой посадили другую.

Лара молча подала мне связку ключей от кладовой. Три ключа, не один. От муки, от соли и от ларя с лечебными травами. Последний ключ был маленький, серебряный, и я узнала его: ключ от запасов масла для материнского очага.

— Этот, — сказала я, — пока оставь у себя. До разговора с лордом.

Лара кивнула и спрятала серебряный ключ обратно на пояс. Я повесила связку на свой пояс, рядом с медным ключом от кухни, и почувствовала, как металл тянет вниз, как настоящий вес, как цена.

Из окна кухни я видела двор. Ника шла через двор к башне старейшин, и подол ее платья был мокрым от мокрого снега. Арт стоял у конюшни, и когда она проходила мимо, он не повернул головы.

Я открыла кладовую, пересчитала мешки с мукой и увидела, что самого нижнего не хватает. На его месте лежала расписка Ники о покупке кружева для рубашки лорда. Кружево стоило в три раза дороже мешка муки.

Вот и первый документ.

Я положила расписку в карман, завязала фартук и поставила на огонь котел с водой для отвара. Рука у меня больше не дрожала. Ключ на поясе грелся от тела, и кухня впервые за три года пахла так, как должна была пахнуть.

Котел загудел, и я отодвинула его от края печи, чтобы не пригорел. Рука помнила эту плиту, помнила, какая третья конфорка слева, а какой крюк над ней скрипит. Я повесила полотенце на скрипучий крюк, и кухня вздрогнула, признавая меня.

Лара стояла у двери, не уходила, и я знала, почему. Она ждала, что я спрошу про Соню.

— Она наверху? — спросила я, не оборачиваясь.

— В комнате для гостей, госпожа. Ее привели из города два дня назад, когда пришла весть, что вы у ворот. Она поела вчера вечером. Сегодня только чай.

Я плеснула отвар в глиняную миску, накрыла чистой тряпицей и поставила на поднос вместе с ложкой меда и краюхой хлеба.

— Отнесу сама, — сказала я. — Неси ключи в мою комнату, пока я там. Если придет Ника, скажи, что у кухни новый повар.

Лара кашлянула.

— Она уже у старейшин, госпожа. Дорога до башни и обратно — час.

— Тогда тем более носи ключи.

Я поднялась по черной лестнице, держа поднос обеими руками, потому что миску с отваром могла перевернуть на повороте. На третьей ступеньке у двери в гостевую стоял Ивар, без передника, в рабочей куртке, и руки у него были черные по локоть.

— Печь в лечебнице, — сказал он коротко. — Заклинило заслонку. Арт сказал чинить, не спрашивать.

Он смотрел на меня, и я впервые за три года увидела, как у него сжались скулы. Не потому что злился. Потому что вспомнил, как я перевязывала ему пальцы, когда он обжегся у горна. Он тогда дал мне свой нож за то, что я не оставила ему шрама.

— Дверь в лечебницу, — сказала я. — Новый замок?

— Старый. Я чиню, чтобы ключ к ней подходил, госпожа.

Я кивнула. Это было его рукопожатие.

В комнате Сони пахло сыростью и чужим мылом. Она сидела на кровати, обхватив колени, и волосы у нее были заплетены в тугую косу, какую я ей плела, когда она боялась темноты. Увидев меня, она не встала. Только выдохнула.

— Я принесла обед, — сказала я и села рядом. — Сначала ешь, потом говорим.

Она взяла миску. Руки у нее дрожали, но она ела аккуратно, по ложке, не роняя, потому что так ее учили.

— Арт знает, что я здесь, — сказала она тихо. — Слуги говорят.

— Знает.

— Он не приходил.

— И не придет, пока я здесь. Это тоже его выбор.

Соня посмотрела на меня, и я увидела, что она поняла. Она была слишком взрослая для своих четырнадцати, и я проклинала себя за каждую секунду, когда мне хотелось, чтобы она была маленькой.

— Мама, — сказала она, — она прислала письмо. Через Миру. Мама пишет, что свадьба с лордом Карном через месяц, и если я не приеду, она продаст дом.

— Я знаю, — я отобрала у нее пустую миску, поставила на поднос. — Мира уже приходила ко мне на рынок. Письмо у меня в кармане.

Соня вцепилась в мою руку.

— Ты меня отдашь?

Я погладила ее по голове, и коса у нее под пальцами была жесткая от дорожной пыли.

— Пока печать жива, ты под защитой старшей кровной женщины дома. Это я. Соня, это я, не мама, не Карн. Ты слышишь меня?

Она кивнула, и я заметила, что у нее на запястье, там же, где у меня, набухла красная полоса. Не печать. Ссадина. Но я похолодела.

— Это откуда?

— Ника, — сказала Соня. — Она приходила вчера. Хотела, чтобы я подписала, что я гостя, а не сестра жены. Я не подписала.

Я встала так резко, что поднос звякнул.

— Покажи.

Соня закатала рукав. Ссадина была свежей, с кровоподтеком вокруг, и по форме я узнала захват — такой берут за руку, когда тащат к столу для подписи.

— Мне нужно к Торису, — сказала я. — Сейчас.

Я спустилась в кухню, убрала поднос в раковину, вытерла руки о фартук и пошла через двор к хозяйственному крылу. У двери в кабинет управляющего стоял Дарен в своей серой куртке, и он держал в руках свиток с сургучом.

— Госпожа, — он поклонился, — я как раз к вам.

— Я к Торису.

— Он у старейшин, — Дарен развернул свиток. — Поверенный города приказал мне передать вам список требований для подтверждения статуса жены. Семь пунктов. Если вы не подпишете их до захода солнца, совет откажет вам в голосе на слушании.

Я взяла свиток. Сургуч был горячий, только что с огня, и я поняла, что совет уже собрался на полдороге к решению. Ника успела.

— Пункт четвертый, — я прочитала вслух, — отказ от претензий на имущество дома. Пункт пятый — подтверждение, что сестра не находится под защитой печати. Кто это писал, Дарен?

— Поверенный города, — повторил он. — Я только курьер, госпожа.

Я посмотрела ему в глаза. Он не моргнул, и я впервые подумала, что у него тоже есть цена.

— Я не подпишу, — сказала я. — До разговора с лордом.

— Тогда совет назначит слушание на завтра.

— Пусть назначает.

Дарен сложил свиток, поклонился и ушел. Я осталась стоять у двери в кабинет, и холодный ветер с кряжа бросил мне в лицо горсть мокрого снега.

В кармане у меня лежали две бумаги. Расписка Ники на кружево и письмо матери к Соне. На запястье горела печать, и я впервые почувствовала, что она не жжет, а считает. Каждую минуту, которую я стою под этой крышей вместо того, чтобы бежать.

Я вернулась в кухню, сняла фартук и пошла к лечебнице. У двери Ивар уже вставил новый замок, и ключ от него он положил на подоконник рядом с моей связкой.

— Ключ подходит, — сказал он.

Я взяла его. Тяжелый, ржавый от пота, теплый от его руки. Повесила на пояс рядом с медным и серебряным, и металл зазвенел, как маленький колокольчик.

В лечебнице пахло сушеной полынью и камнем. Я открыла шкаф, пересчитала банки с мазями. На нижней полке, под марлей, лежала третья расписка Ники, на этот раз на два мешка овса и бочонок с медом.

Я положила ее в карман. Бумаги шуршали друг о друга, и я подумала, что у меня впервые за три года не хватает кармана.

Металл на поясе еще не остыл, а я уже знала, что он стоит за дверью. Замок в лечебнице я переделала под свой ключ, и любая попытка открыть чужой скрежет слышен через две комнаты. Щелкнула щеколда — не моя. Потом тишина, как перед грозой. Потом стук костяшек, три раза, ровно.

Я вытерла руки о фартук. Ссадина на запястье Сони все еще стояла перед глазами, синяя, с отпечатком пальцев, и от этого мне было трудно дышать ровно. Но я открыла.

Арт стоял на пороге без плаща, в одной рубашке, расстегнутой у ворота. Пахло холодным камнем и чужими духами, и я мгновенно поняла, чьими — Ника только что была в хозяйском крыле и не пощадила его одежду. В кабинете он так не пах.

— Ты пришел за ссудой или за объяснениями? — спросила я, не отступая.

— Я пришел за ключом.

Он смотрел не на меня. На мою связку на поясе, где теперь висели три ключа, и медный, и серебряный, и ржавый Ивара. И я впервые увидела, как у него дернулась скула.

— Ключ от лечебницы, — повторила я. — Мой. Ивар вставил замок. Ты знаешь.

Писец поднял перо. — Я знаю, что ты заперла от меня собственную лечебницу.

— Я заперла от тебя лечебницу, где лечат твоих же слуг. Если хочешь войти — постучи. Ты уже стучишь. Прогресс.

Он шагнул внутрь, не дожидаясь приглашения, и я отступила не потому, что испугалась, а потому что между нами стало слишком мало места, и печать на моем запястье отозвалась первой — горячим уколom, как будто кто-то ткнул раскаленной иглой. Я спрятала руку за спину, и он это заметил. Конечно заметил.

— У Сони ссадина, — сказала я. — Свежая. Захват такой, что тащат к столу для подписи. Ника приходила к ней вчера.

Его лицо не изменилось. Только глаза стали темнее, и я впервые за три года подумала, что он не играет.

— Покажи, — сказал он.

Я вытащила руку из-за спины, закатала рукав, показала собственное запястье с печатью. Он смотрел на нее так, как будто впервые видел. Потом перевел взгляд на шкаф с мазями, на корзину с бинтами, на скамью, которую уже подвинули к окну.

— Соня здесь? — спросил он.

— В гостевой. Ест.

— Я поговорю с ней.

— Нет.

Я сказала это быстрее, чем хотела, и он отступил на полшага. Между нами стало чуть больше места, и я смогла дышать. Запах чужих духов никуда не делся, и я поняла, что именно он сейчас делает — он пришел не за ключом, а за мной, и обещал себе, что это будет просто деловой разговор. Ника испортила ему даже это.

— Ты узнаешь, кто это сделал? — спросил он.

— Я уже знаю. Мне нужно не узнать, мне нужно право голоса на совете, чтобы сказать это вслух.

Он сунул руку в карман и вынул свернутый вчетверо лист. Плотная бумага, гербовая. Я узнала формат — это была его личная печать, не городская. Не советская.

— Я подписал утром, — сказал он. — Прощение в совет о передаче тебе права старшей кровной женщины дома до решения слушания. Подпись Артура Вейсара. Печать. Дата.

Я взяла лист. Бумага была теплая, как будто он долго держал ее в руке, прежде чем идти сюда.

— Это не прощение, — сказал он. — Это дверь. Войдешь — обратно не выйдешь, пока совет не решит иначе.

Радан не перебил. — Я знаю, как работают двери, Арт.

Я положила лист на стол рядом с расписками Ники, и они легли рядом, как две карты одной игры. Он смотрел на мою связку ключей, и я видела, как у него сжались пальцы. Потом он разжал их.

— Завтра в десять утра совет соберется, — сказал он. — Ивар подтвердит замок. Лара подтвердит, что ты приняла хозяйство. Я подтвержу подпись. Ника тоже будет там.

— Ника будет молчать.

— Ника не будет молчать, Риана.

Он произнес мое имя так, как будто пробовал на вкус, и я поняла, что он не называл его три года. Печать на моем запястье вспыхнула, и я спрятала руку под фартук. Он заметил. Конечно заметил.

Он сделал шаг назад, и между нами снова стало расстояние вытянутой руки. Духи Ники все еще плыли от его рубашки, и я не знала, злит ли меня это, или это единственная причина, по которой я сейчас не сделала ничего глупого.

— Ключ, — повторил он. — Мне нужен ключ от лечебницы.

— Ключ у меня. Если придешь с больным — постучишь. Если без — стой за дверью.

Он кивнул, развернулся и пошел к выходу. У порога остановился, не оборачиваясь.

— Риана.

— Что?

— Ты пахнешь полынью.

И вышел. Дверь закрылась тихо, почти беззвучно, и я осталась одна в комнате, где пахло лечебными травами, чужими духами и его словами, которые я теперь не смогу забыть до утра.

Дверь закрылась, а запах остался. Полынь, чужие духи и его последнее слово, от которого у меня по-прежнему горело запястье. Я подождала, пока стихнут его шаги по коридору, потом опустилась на скамью и впервые за день выдохнула нормально.

На столе лежал его лист с печатью, рядом три расписки Ники. Я разложила их веером, как карты, и стала читать заново, хотя и так помнила каждую цифру. Кружево, овес, мед. Мелкие расходы, на которых не строится обвинение, но из которых складывается привычка воровать. Кружево я могла бы простить — глупость молодой женщины, которой хочется красиво выглядеть за чужий счет. Мед — нет. Мед в этом доме шел в лечебницу, для медовых обертываний при ожогах и для сладкой воды, которую пьют лихорадящие слуги. Ника забрала лекарство.

За дверью слышались шаги, легкие, торопливые, и я узнала Соню по тому, как она шла — на цыпочках, словно боялась, что пол под ней провалится.

— Можно? — спросила она из-за двери.

— Можно, — сказала я. — Только тихо. Я считаю.

Она вошла, прижимая к груди кусок хлеба, и села на низкую табуретку у печи. Ссадина на ее запястье уже подсохла, и я подумала, что надо бы перевязать, но не сейчас. Сейчас — письмо.

— Этот человек дал мне бумагу, — сказала я, показав на лист с печатью Арта. — Завтра совет. Я буду говорить за тебя, и за себя, и за эту лечебницу. Мне нужно, чтобы ты знала три вещи.

Она кивнула, и я увидела, как у нее задрожали пальцы на хлебе.

— Первое, — сказала я. — Совет не будет добрым. Люди, которые там сидят, любят Арта больше, чем меня, и терпеть Нику больше, чем меня. Они будут искать, за что зацепиться. Второе — Ника тоже там будет. Она постарается сделать так, чтобы я выглядела чужой в этом доме, даже если я стою у очага, который кормит всех. Третье — если я попрошу тебя молчать, ты молчишь. Не из страха. Из уважения к себе, потому что каждое твое слово они запишут и перевернут.

— Я поняла, — сказала Соня тихо.

— Хорошо. Теперь иди в гостевую и ложись. Завтра ты не выходишь из комнаты, пока я не пришлю записку.

Она встала, посмотрела на меня так, как умеют смотреть только четырнадцатилетние, когда им страшно за старшую сестру и они не знают, как это показать, кроме как прижаться щекой к плечу. Она так и сделала, на одну секунду, и вышла. Я осталась одна с тремя расписками и одной печатью.

Гостевая пахла лавандой и сырой штукатуркой, и я порадовалась, что Соня спит, а не считает вместе со мной трещины на потолке. Я села на край кровати, перевязала ей запястье, нащупала под тонкой кожей ровный пульс и впервые за день поверила, что хотя бы одна живая душа в этом доме сегодня не лгала мне.

Потом достала из-под подушки свою дорожную сумку, переложила на дно три расписки Ники и лист Арта, придавила их чистой рубашкой, чтобы не шуршали, и завязала ремни. Сумку поставила у двери, не к окну. Если ночью кто-то войдет проверять, споткнется о кожаный бок и подаст голос раньше, чем доберется до меня.

Я легла, не раздеваясь, поверх одеяла, сунула руку под рубашку и нащупала печать на запястье. Она была теплая, чуть горячее, чем кожа, и пульсировала в такт моему сердцу. Три года я носила ее как шрам, к которому привыкаешь, и вот теперь шрам начал отвечать. Не знаю, что хуже.

Сон склеился плохо. Под утро мне снилось, что я стою у материнского очага в старой башне, держу в руке горящую свечу, а Арт сидит напротив и смотрит, как капля моей крови падает в золу. Огонь не загорался. Я капала снова и снова, а он только сидел и говорил мое имя, как пробовал на вкус, и я просыпалась от того, что печать жгла.

Встала затемно, до первого колокола. Умылась ледяной водой из кувшина, затулила волосы, надела чистую рубашку и фартук. Ключи проверила дважды: от лечебницы, от кладовой трав, от гостевой. На пояс повесила только связку, без побрякушек. Зеркало на стене отразило женщину с синими тенями под глазами и твердым ртом. Я ей не улыбнулась. Она бы не поняла.

На кухне уже гремела Лара, и пахло свежим хлебом и топленым молоком.

— Поешь, — сказала она, не оборачиваясь.

— Некогда.

— Тогда возьми с собой.

Она завернула краюху хлеба в чистую тряпицу и сунула мне в карман фартука, рядом с расписками. Рука у нее дрожала.

— Лара, — сказала я. — Ты ведь знаешь, что он подписал.

Она кивнула, не глядя.

— Совет будет добрым?

— К Арту — да. К тебе — нет. К Нике — по-разному.

— А к правде?

Лара наконец повернулась, и я увидела, что у нее красные глаза, будто она тоже не спала.

— Правда в этом доме всегда была чьей-то собственностью, девочка. Завтра она будет твоей. Смотри, чтобы не отобрали.

Я вышла на заднее крыльцо. Морозец щипал щеки, снег лежал на камнях ровно, без следов, и это значило, что Ивар уже прошел и проверил замки. Я пересчитала ступеньки до ворот — семь, чтобы ноги не сбились с шага, — и пошла к лечебнице. Нужно было до совета успеть обойти палаты, убедиться, что ночные больные дышат, и напоить ключницу травяным отваром, чтобы к десяти у нее не тряслись руки, когда она будет давать показания.

В лечебнице пахло так, как должно пахнуть в настоящем месте для больных: камфара, сухая полынь, медный купорос и немного крови. Я зажгла лампу, протерла стол, на котором вчера сидел Арт, и на этот раз не стала искать его запах. Он и так был везде.

Ключница Марта уже ждала у печи, кутаясь в шаль. Я налила ей отвару, села рядом и заговорила тихо, глядя, как за окном медленно светлеет небо.

— Марта, сегодня ты скажешь совету правду. Про кружево, про овес и про мед. Скажешь так, как рассказывала мне. Поняла?

— Поняла, госпожа.

— Не госпожа. Риана. И если Ника посмотрит на тебя так, как умеет смотреть только она, ты все равно скажешь. Я буду рядом.

Марта кивнула, отпила отвар и вдруг спросила тихо:

— А если он скажет, что ты чужая в этом доме?

Я поставила кружку на стол, и звук получился сухой и точный, как печать.

— Тогда я покажу ему ключ, который висит у меня на поясе, и скажу, что чужих с такими ключами сюда не пускают.

За окном ударил колокол. Семь утра. До совета оставалось три часа, и я наконец знала, что буду делать руками, когда войду в зал.

Совет соберется в десять. У меня есть ночь, чтобы решить, в каком порядке я выложу эти бумаги на стол. Сначала печать Арта, потому что она дает мне право голоса. Потом расписка на кружево, потому что это самая мелкая, и совет любит начинать с мелкого — так им легче поверить в крупное. Потом мед, потому что мед — это лечебница, а лечебница теперь моя, и если совет хочет спорить, пусть спорят с ключом у меня на поясе. Овес оставлю напоследок, как запасной ход, если кто-то попробует сказать, что Ника просто помогала по хозяйству.

Я сложила бумаги в том порядке, в каком собиралась их доставать, и спрятала в нагрудный карман фартука. Потом сняла фартук, повесила на гвоздь, протерла скамью, на которой сидел Арт, мокрой тряпкой, чтобы не осталось его запаха, и остановилась. Тряпка пахла его духами, и я поняла, что от этого мужчины в этом доме не спрятаться ни в одной комнате.

В коридоре послышались голоса — Лара отчитывала кого-то за невытую посуду, и я впервые за день порадовалась, что в этом доме есть кто-то, кроме меня, кто считает порядок важнее тишины. Я задула свечу, подхватила связку ключей с пояса и пошла в гостевую — проверить Соню, перевязать ей руку и лечь самой. Завтра мне нужно было проснуться раньше него и не дать ему возможности сказать, что я пришла к совету как просительница.

Глава 3. Чужие духи

Счетная книга лежала на столе, раскрытая на середине года, и от нее пахло чужими духами. Тонкий, сладковатый, похожий на сухие лепестки розы, смешанные с чем-то хвойным. Я узнала этот запах. Им пахли волосы Ники, когда она проходила мимо меня по коридору, не удостоивая кивка. Я провела пальцем по строчкам, где почерк Ники становился особенно крупным и нарядным, когда она выписывала себе жалование, и особенно мелким, когда речь шла о закупке муки для кухни.

В кабинете было холодно. Огонь в камине едва тлел, и через щели в заслонке тянуло сыростью. Капала вода с крыши, и где-то в коридоре тихо переговаривались служанки, считая мешки с гнилой крупой. Я вела учет расходов дома Вейсар с тех пор, как вернулась. Не потому что меня просили. Потому что без этого замок развалится, а я не хочу видеть, как Соня спит под дырявой крышей.

Цифры не сходились. Тридцать серебряных марок ушли на жалование Нике за три месяца, хотя она пришла в дом только в начале осени, когда я уже уехала. Двести марок уплыли на «приданое», но в графе расходов не было ни одного имени портнихи, ни одной записи о покупке ткани. Я перевернула страницу, и запах духов стал гуще. Здесь было выведено аккуратным наклонным почерком: «На лекарские нужды — пять марок». Я усмехнулась. На пять марок можно купить коробку пиявок и фунт дешевой ромашки.

Дверь открылась без стука. Я не обернулась, потому что знала, кто это.

— Уже считаешь? — голос Арта был ровным, без привычной ленивой насмешки.

— Уже считаю, — ответила я, не отрывая глаз от книги. — И вижу, что твоя Ника обошлась тебе дороже, чем самый бордель в порту.

Он подошел ближе. Я почувствовала запах холодного металла и дыма, который всегда был его. Он наклонился надо мной, и я напряглась, но заставила себя не отодвинуться. Я не покажу, что он все еще на меня действует.

— Это хозяйственная книга дома, — сказал он тихо, и его дыхание шевельнуло мне волосы на виске. — Ты не имеешь права ее трогать.

— Я имею право знать, куда уходит серебро, которое кормит мою сестру, — я перевернула страницу. — Или ты хочешь, чтобы Соня ела пустую похлебку, пока твоя гостья покупает себе духи?

Он выпрямился. Я краем глаза видела, как дрогнул мускул на его скуле. Он знал, что я права. Он всегда знал, когда я была права, это бесило его больше всего.

— Тебе нужна бумага, чтобы показать это совету? — спросила я, сама удивляясь собственной дерзости.

— Ты думаешь, совет примет слова женщины, которую я выгнал?

— Я думаю, совет примет слова женщины, которая ведет твои счета, потому что у тебя не хватает ума нанять честного управляющего.

Он молчал. Я подняла голову и встретила с ним взглядом. Его глаза были темными, почти черными в этом холодном свете, и в них стояло что-то, чему я не хотела давать имя. Желание? Злость? Я не знала. Мне было все равно. Мне нужна была подпись под итогом по этому кварталу, чтобы мои цифры стали документом, а не сплетней.

Я пододвинула к нему перо и чернила.

— Подпиши, — сказала я. — Подпиши итог, и я закрою книгу. Тогда это будет не моя выдумка, а твоя подпись под долгом Ники.

Он смотрел на меня долго. Я не отвела взгляд. Я давно научилась не отводить взгляд, когда мне нужно было выжить. За дверью послышались шаги, кто-то прошел мимо, и мы оба

замерли. Если кто-то увидит нас здесь, начнутся разговоры. Что бывшая жена сидит в кабинете мужа наедине, и лорд стоит над ней слишком близко.

Я ждала. Перо лежало между нами. Я не собиралась его трогать первой. Если он хочет чистоты, пусть сам поставит свое имя рядом с моими цифрами. Он взял перо. Его рука, большая и тяжелая, с родимым пятном у большого пальца, легла на бумагу. Я смотрела на эту руку и вспоминала, как она ложилась мне на спину, когда я засыпала в его постели. Я отогнала это воспоминание, как отгоняют муху.

Он подписал. Быстро, одним точным движением, как привык подписывать приказы, а не долги. Потом он отодвинулся, давая мне воздух. Я закрыла книгу. Духи Ники остались на моих пальцах.

— Эту книгу увидят старейшины, — сказала я, вставая. — И цифры в ней увидят тоже.

— Ты обещала мне безопасность для Сони, — его голос стал жестче. — Не забудь об этом.

Я посмотрела на него, и что-то во мне сжалось, но я не показала.

— Я ничего не забываю, лорд Вейсар. В отличие от тебя.

Я вышла из кабинета, прижимая книгу к груди. Книга была тяжелой, и пахла чужой женщиной, и я знала, что эта тяжесть теперь моя.

Коридор встретил меня запахом холодного воска и сырой штукатурки. Я прижала книгу к груди и пошла к лечебнице, считая шаги, чтобы не думать о том, как пахли мои пальцы чужими духами. Духи эти были дорогие, цветочные, с хвойной нотой, и я злилась, что узнаю их. Книга была тяжелее, чем выглядела, и от нее тянуло сыростью, будто между страницами спрятали мокрый плащ. Я несла в ней не цифры. Я несла чужой позор, переписанный его же рукой.

У двери лечебницы стояло ведро с чистой водой. Никто не решался внести его внутрь, потому что в доме все теперь боялись лишний раз заглянуть в мои комнаты, словно там лежал не больной, а яд. Я толкнула дверь бедром и вошла. Внутри пахло лавандой и старой кровью. Бинты в корзине у окна уже подсохли, и я бросила их в воду, чтобы размягчить.

Лара стояла у стола, разложив по банкам сушеные травы. Руки у нее подрагивали, но лицо было спокойным, как у женщины, которая привыкла делать вид, что в доме все в порядке. Она подняла глаза на книгу в моих руках, и я увидела, как она чуть сжала губы.

— Он подписал, — сказала я, кладя книгу на стол. — Подписал итог по кварталу. Теперь это не мои слова, а его печать.

— Госпожа... — Лара отложила пучок мяты и провела рукой по столу, будто хотела стереть пыль, которой не было. — Я не должна была вам это отдавать.

— Вы должны были. Иначе Ника доела бы припасы вместе с кухаркой, а Соня легла бы спать с пустой миской. Я считаю не из любви к вашему дому, Лара. Я считаю из любви к своей сестре.

Лара молча кивнула. Она знала, что спорить со мной бесполезно. Она помнила меня женой, а я теперь помнила ее предательницей, потому что она три года молчала, пока меня вычеркивали из хозяйственных книг. Молчание — тоже подпись.

Я раскрыла книгу на столе. Запах духов ударил снова, и я машинально потерла пальцы о передник, пачкая ткань чернилами. Цифры лежали ровными столбиками. Я провела пальцем по итоговой строке, где рядом с моей росписью стояла его. Почерк был резкий, с нажимом на согласных, как будто он подписывал приговор, а не долг. Может, для него это и было одно и то же.

— Пятьдесят марок, — сказала я вслух, чтобы Лара услышала. — На лекарские нужды. По факту — коробка пивовок и фунт дешевой ромашки. Остальное ушло на жалование Нике и на «приданое», которое никто не видел.

— Я знаю, — тихо сказала Лара. — Она покупала себе ткани на ярмарке, но в графе расходов писала «на домашние нужды». Кухарка видела, как ей везли сундуки с кружевом.

— Пусть кухарка придет ко мне после ужина, — я закрыла книгу и прижала ладонь к переплету. — И пусть принесет любой клочок от тех кружев. Если Ника закупала ткань за счет дома, у нас будет не только его подпись, но и вещь, которую можно показать совету.

Лара кивнула и пошла к двери. На пороге она остановилась.

— Госпожа, — она не обернулась, — он злится не из-за денег. Он злится, что вы заставили его подписать.

— Я знаю, — сказала я. — Но злость — это тоже бумага. Она не сгорает.

Когда за Ларой закрылась дверь, я села на край стола и посмотрела на книгу. В камине трещали сырые поленья, и искры сыпались на каменный пол, оставляя серые пятна. Я думала о том, что Арт мог просто вырвать страницу. Мог сказать, что книга поддельная. Мог позвать стражу и вышвырнуть меня из кабинета вместе с моими цифрами. Вместо этого он взял перо.

Может, ему тоже надоело, что Ника пахнет так дорого, а дом пахнет так дешево.

Шаги в коридоре заставили меня поднять голову. Дверь открылась, и на пороге стояла Соня. Щеки у нее были красные от ветра, а в руках она держала глиняную миску, накрытую тряпичей.

— Сестра, — сказала она тихо, — кухарка передала тебе похлебку. Сказала, что ты опять не ела.

Я посмотрела на миску, потом на книгу. Похлебка пахла луком и чем-то горьковатым, и я поняла, что это та самая ромашка, которую я вчера отдала на кухню. Кухарка варила из нее лекарство для больного в пристройке, а теперь сварила суп. В этом доме все шло в дело дважды.

Я взяла миску и поставила на стол рядом с книгой.

— Садись, — сказала я Соне. — Ешь со мной.

Она села на табурет, и я увидела, что под ее плащом мокрая куртка. Значит, опять бегала к Нитте в пристройку, потому что девочка боялась темноты и просила Сони сидеть рядом, пока та не уснет. Я не стала ругать. В этом доме у каждого была своя работа. У Сони — не бросать тех, кого бросили взрослые.

— Сестра, — Соня помешала ложкой в миске, — мне сказали, что лорд Арт подписал какую-то бумагу. Что это значит?

Я отломил кусок хлеба, который она принесла вместе с похлебкой, и посмотрела на сестру. Ей было четырнадцать, но глаза у нее были как у взрослой женщины, которая давно считает не только свои, но и чужие долги.

— Это значит, — сказала я, — что теперь у меня есть не только слово, но и его подпись. Когда совет пяти родов спросит, на что ушло серебро дома, я положу перед ними эту книгу. И Ника больше не сможет плакать в углу и говорить, что это клевета.

Соня кивнула. Она не спросила, спросит ли совет. Она знала, что я его вызову сама.

Я посмотрела в окно. За стеклом медленно падал мокрый снег, и крыша лечебницы была уже белой. Я подумала о том, что завтра надо будет растопить печь в пристройке, где лежал больной кузнец, и что у меня кончились чистые бинты, и что Соня опять придет ко мне с пустой миской и будет делать вид, что не голодна. Я подумала о том, что книга пахнет чужими духами, и что эти духи теперь у меня на пальцах, и что я отмою их только тогда, когда положу эту книгу на стол перед старейшинами.

— Соня, — сказала я, — иди спать. Завтра у тебя урок с Ларой.

Она встала, и я увидела, как она на секунду прижалась щекой к моему плечу, совсем как в детстве, когда мать уходила на ярмарку и оставляла нас одних. Я не обняла ее. У меня были заняты руки — в одной ложка, в другой книга.

Когда за Сонею закрылась дверь, я отодвинула миску и открыла книгу на последней странице. Там, где Арт поставил подпись, осталась крошечная вмятина от пера. Я провела по ней

пальцем и почувствовала, как метка на моем запястье кольнула холодом. Не сильно. Так кольнет замерзший ключ, когда возьмешь его в руку.

Я закрыла книгу, положила ключ от лечебницы под подушку и легла. За стеной тихо дышала печь, и я знала, что завтра Арт войдет сюда и будет спрашивать, зачем я снова считаю его деньги. А я скажу ему, что считаю не его деньги. Я считаю цену его молчания.

Я проснулась от того, что метка на запястье стала теплой. Не обжигающей, как бывало у ворот, а ровной, живой, как уголек, забытый под пеплом. Я лежала несколько секунд, прислушиваясь к дому. За стеной сонно дышала печь, пахло ромашкой и хлебом, который Соня пекла с вечера. Потом я поняла, что тепло идет не от печи. Оно шло от стены, за которой была его спальня.

Это означало, что он тоже не спал. И что между нами сейчас тоньше, чем стена.

Я встала, натянула платье, повязала передник и взяла книгу. Цифры за ночь никуда не делись, и я хотела проверить еще одну графу, прежде чем спустись на кухню. Лара вчера сказала, что Ника выписывала себе жалование за два месяца вперед, ссылаясь на «поездку к родне». Если это правда, то запись в графе «дорожные» была чистой ложью, потому что Ника никуда не уезжала, а сидела в хозяйском крыле и перебирала кружева.

Я открыла книгу на столе, подвинула свечу и провела пальцем по строчке. Сумма была аккуратно обведена красными чернилами. Я узнала эту манеру. Так писала казначей дома, которую Арт нанял три года назад по совету матери. Теперь этой казначейши не было, и в книге хозяйничала Ника. Красная строка осталась как память о другом порядке.

Шаги в коридоре я слышала заранее. Тяжелые, неровные, со слабым шарканьем правой ноги. Я знала этот звук: Арт всегда хромал по утрам сильнее, потому что ночью драконья кровь отливала к крыльям и суставы костенели. Он никогда не признался бы в этом вслух, но я помнила, как он однажды не смог поднять чашку и сделал вид, что просто задумался. Тогда я была его женой. Сейчас я была его головной болью, и это меня устраивало больше.

Дверь открылась без стука. Я не подняла головы. Пусть видит, что я занята, а не жду.

— Ты считаешь мои деньги в моем кабинете, — сказал он от порога. Голос был низкий, хриловатый, и я почувствовала, как метка на запястье качнулась в ответ, словно стрелка компаса.

— Я считаю ложь, — ответила я, не отрывая пальца от красной строки. — У лжи тоже есть цена. Просто ее записывают в другую графу.

Он вошел и встал у стола. Я почувствовала его запах раньше, чем увидела тень: железо, хвоя и тот самый сухой дым, который всегда оставался на его коже после ночи у очага. Я знала этот запах три года назад, когда спала рядом, и сейчас он ударил меня в висок, как пощечина. Я стиснула зубы и продолжила считать.

— Эта строка, — я указала ногтем на красное, — выписана Нике как дорожные. Дорога куда, если она не выезжала за ворота? За ворота выезжала я. И то один раз.

— Я знаю, — сказал он. И впервые за утро я подняла глаза.

Он стоял ближе, чем я думала. Метла бы не прошла между нами, как говорила кухарка, но я в тот момент была не метла и не кухарка. Я была женщиной, которую он обманул, и книгой, которую он подписал. Обе стояли на его столе.

— Тогда почему эта строка жива? — спросила я.

Он посмотрел на меня так, как смотрят на женщину, от которой устали и не могут оторваться. Я узнала этот взгляд. Я ненавидела этот взгляд. Я хотела этот взгляд три года назад, когда он смотрел мимо, и ненавидела себя за то, что замечаю его сейчас.

— Потому что тогда я молчал, — сказал он. — Сейчас нет.

Он протянул руку через стол и положил ладонь рядом с моей. Не на книгу. Не на мою руку. Рядом. Между нами осталась полоса пергамента, и я чувствовала жар от его кожи через

эту полосу, как через тонкую ткань. Метка на моем запястье дернулась, и я машинально отдернула руку, задев свечу. Воск капнул на страницу, рядом с красной строкой, и я замерла.

Если бы воск попал на цифру, я бы потеряла единственное доказательство. Я успела подхватить каплю пальцем, обожглась и сунула палец в рот. Глупо, по-детски, и я разозлилась на себя сильнее, чем на него.

Он не двинулся. Не предложил платок. Не сказал «больно». Только смотрел, и я поняла, что он ждал, больно мне или нет, и что это ожидание было важнее любой помощи. Три года назад я бы не заметила. Сейчас заметила, и это было хуже ожога.

— Мне нужна еще одна подпись, — сказала я, убирая палец о передник. — Под красной строкой. Чтобы совет видел, что ты знал о дорожных, и все равно отпустил ее тратить.

— Ты требуешь у мужа подпись против его собственной жены, — сказал он.

— Я требую у лорда дома подпись против женщины, которая тратила серебро дома на кружева и писала в книге «дорожные». Твоя жена — это я. Пока печать на моем запястье, я это знаю, и совет это увидит.

Он молчал. Метка на моем запястье потеплела еще на полградуса, и я поняла, что он это тоже чувствует. Что бы он ни говорил, печать между нами работала, и она не спрашивала согласия. Она считала чужое тепло и возвращала его как чек.

Он взял перо. Я подвинула книгу. Он подписал под красной строкой, и чернила были свежими, и пахли железом, как его кожа. Я закрыла книгу, прижала к груди и вышла, не оглядываясь.

В коридоре пахло хлебом. Соня уже стояла у печи, и Нитта сидела у ее ног, и я знала, что через час придет Лара, и я покажу ей вторую подпись, и Лара скажет, что этого хватит для совета. А потом Арт снова войдет ко мне, и снова будет пахнуть железом и хвоей, и снова будет молчать рядом, как будто молчание — это тоже подпись, которую можно показать старейшинам.

Я положила книгу под передник и пошла на кухню. У меня было много работы, и впервые за три года у меня была его подпись.

Лара пришла через час, как я и ждала. Я не слышала ее шагов, потому что старая экономка двигалась так, словно дом сам подставлял ей ступени. Зато я услышала, как заскрипела дверь в кладовую, потом звякнула связка ключей, и только тогда я подняла голову от стола.

На моих коленях лежала не та книга, которую подписал Арт. Эта была тоньше, в сером переплете, и я вытащила ее из нижнего ящика Лары, когда та отвлеклась на печь. Расходная тетрадь Ники. Лара сказала бы, что это воровство. Я сказала себе, что это свертка.

— Ты что делаешь? — Лара остановилась в дверях с ковриком из сушеной мяты в руках.

— Сверяю, — я похлопала по обложке. — Чужая тетрадь и твоя главная книга. Если они сходятся, значит, Ника честная. Если нет, значит, у меня к обеду готов ответ на совет.

Лара медленно положила мяту на лавку и подошла ближе. В руках у нее была не только связка ключей, но и маленький ключ от нижнего ящика, который я забыла запереть.

— Покажи, — сказала она тихо.

Я открыла обе книги рядом. Левая страница тетради Ники и правая страница книги дома. Цифры стояли друг против друга, как зеркала. Я провела пальцем по верхней строке.

— Смотри. Тут она записала жалование себе за два месяца вперед — восемь серебряных. В твоей книге за этот месяц прошло только четыре, потому что остальные четыре ушли на покупку кружева для ее шали. У тебя кружево записано как «ткань для обивки кабинета». У нее — «кружево шаль». Одна и та же покупка, две цены, две графы.

Лара села рядом. Я увидела, как у нее дрогнули пальцы, и впервые подумала, что она знала это и раньше. Просто молчала. Я не стала спрашивать почему. У Лары были свои счета с этим домом, и я не имела права лезть в них без приглашения.

— Значит, жалование ей выписано дважды, — сказала Лара ровно.

— Значит, за полгода у Ники набежало лишних сорок восемь серебряных. Это не дорожные, Лара. Это серебро дома, которое она взяла под видом зарплаты. Совет это поймет с первого взгляда.

Мы помолчали. За стеной кто-то возился у печи, и я узнала тяжелый выдох Ивара: кузнец пришел за углем и грел руки, хотя печь топили с утра.

Лара достала из-под фартука сложенный вчетверо лист. Я узнала гербовую бумагу дома по водяному знаку.

— Я хотела отдать это позже, — сказала она. — Теперь вижу, что поздно будет поздно.

Лист был распиской. Почерк был знакомый — не Арта, не матери Арта. Почерк был мой. Моя подпись, мои кудри на букве «Р», моя дата три года назад. Но текст под ней я писала впервые в жизни.

Я прочитала вслух, чтобы услышать, как это звучит в чужой комнате.

— «Я, Риана Вейсар, принимаю долг дома Вейсар на себя в размере ста двадцати серебряных, выданных моей матери при посредничестве лорда Арта». Дата. Подпись. Печать, — я постучала ногтем по желтой клякс сургуча.

Печать была моя. Тот самый оттиск с моего запястья, который я носила как проклятие. Я тогда не знала, что оттиск можно снять с кожи и перенести на бумагу. Теперь знала.

— Кто это сделал? — спросила я.

— Ника, — сказала Лара. — Она тогда еще не была здесь. Она приехала через месяц после тебя. Привезла расписку и сказала, что это твой долг за приданое. Никто не проверил. Я не проверила.

Я сложила расписку и спрятала под передник, рядом с книгой, прижатой к груди. Два документа. Один — подпись мужа против его фактической жены. Второй — поддельный долг, который кто-то повесил на меня, чтобы я не могла уйти чистой.

— Спасибо, — сказала я.

— Не благодари, — ответила Лара. — Скажи мне потом, что ты собираешься с этим делать.

Я не ответила. Я вышла из кладовой, спустилась по лестнице и увидела в конце коридора Арта. Он стоял у двери в кабинет и смотрел на меня. В руках у него была кружка, и пар от чая поднимался в холодный воздух, как маленький дым.

Я прошла мимо, не сбавляя шага. Метка под рукавом стала теплой, и я знала, что он это почувствовал. У него в кабинете на столе лежала подпись, которую он поставил под красной строкой. У меня под передником лежали две бумаги, которые делали его подпись только началом разговора.

Я завернула за угол и остановилась. Сердце билось в горле, и я перевела дух. Утро пахло хлебом и мятой, и дом впервые за три года казался мне не ловушкой, а доказательством.

Глава 4. Общий обед

Нитта пришла в лечебницу с ожогом на ладони. Не спрашивала, не плакала, просто поставила руку на стол и смотрела, как я развожу мазь в глиняной ступке. Запах девясила и подорожника забивал тяжелый дух старой печи, и я была рада этому запаху, потому что он был мой.

— Кто?

Она опустила глаза.

— Ника.

Я не вздрогнула. Ожог был свежий, ровный, с двумя полосками — от утюга. Не от печи. Утюг стоял в хозяйском крыле, им гладили кружево. Я промыла рану ключевой водой, наложила мазь, перевязала туго. Под повязку положила тонкую полоску ткани с девясилом.

— Покажи другое.

Она закатала рукав. На сгибе локтя синяк, уже желтый по краям.

— Это тоже она.

Нитта кивнула. Ее глаза были серьезные и взрослые, и я поняла, что она считает меня главной в доме. Меня, а не Арта. Если так, значит, я обязана говорить за нее.

— Никому. Пока никому. Потом скажем вместе.

В дверь постучали. Не Лара. Лара не стучит, она слегка касается двери и ждет разрешения. Этот стук был служебный, сухой, в два удара костяшкой о дерево.

Лакей в черной куртке положил на стол записку, сложенную вдвое. Без сургуча, без печати, просто бумага, неровно сложенная чужими пальцами.

— Обед, — сказал он. — Хозяин зовет всех в малый зал. Через полчаса.

Я положила записку в карман передника. Бумага была теплая от чужой руки. Лакей ушел, и я осталась стоять над столом, держа в руке перевязанную руку Нитты.

Я сполоснула руки над тазом, сняла передник, повесила на гвоздь. Под передником, на самом теле, у пояса, лежал тонкий сверток: письмо Седой о провале Ники при проверке огнем. Я переложила его во внутренний карман серого жакета. Карман был глубокий, с потайной складкой, которую я сама пришивала три года назад из остатков мужского сюртука.

— Нитта, побудь здесь. Дверь закрой на засов. Если кто-то войдет, говори, что считаешь бинты.

Она кивнула и ушла за ширму.

Я заглянула в кладовую. Лара стояла у полки с мукой, спиной ко мне, и пересчитывала мешки. Я кашлянула. Она обернулась.

— Лара, книгу принесешь?

Она кивнула.

— Ника уже в зале, — сказала она тихо. — В синем. С медальоном.

Я кивнула и пошла к лестнице.

Малый зал в замке Вейсар. Не большой, где принимают старейшин, а именно малый, где обедают. Длинный стол, двенадцать стульев, кресло хозяина во главе. Гобелен с крылатым псом над камином, медный канделябр, темное дерево. Здесь меня три года назад кормили свадебным пирогом. Здесь же через год объявили, что брак расторгнут, и никто из старейшин не посмотрел мне в глаза.

Ника уже сидела в кресле хозяйки. Справа от Арта. В новом платье из синей шерсти, с медальоном Седой на груди. Медальон лежал поверх кружева, которое я помнила по хозяйственной книге: сорок серебряных марок за шаль, помеченную как ткань для обивки. Кружево сидело на ней хорошо, но у ворота я видела шов, подогнанный неумелой рукой. Значит, его уже резали, и скоро в книге появится графа «перешив, кружево».

Лара наливала суп. Лотар стоял у двери, считал в голове приборы. Соня сидела рядом со мной, подвинула мне стул. Нитта спряталась у ног Сони под столом.

Я села напротив Ники. Положила ложку, и она увидела, что у меня нет ни метки на пальцах, ни кольца. Только чистые руки и линия подбородка. Печать на запястье молчала, спрятанная под манжетой.

Суп был горький. Положили слишком много золы, или зола была не от тех дров. Дом не греет, как раньше.

— Дом не греет, — тихо сказала Соня.

Нитта под столом качнула головой, не поднимая глаз.

Арт сидел во главе. Его правая рука лежала на столе, и я видела, как ему больно держать ложку. Крыло горело под одеждой. Он не подавал виду, ел левой. Это меня разозлило, потому что он не попросил у меня банку мази, хотя обещал зайти вчера.

— Хозяин, — сказала я, — банка мази у вас в кабинете с утра. Я оставила ее на каминной полке. Если крыло опять горит, перевяжите перед сном.

Арт поднял глаза от супа. Не как муж на жену. Как хозяин дома на человека, которого он обещал защитить три года назад и не защитил.

— Лотар, — сказал он, не глядя на меня, — закрой дверь.

Лотар закрыл. Звук ключа в скважине был один. Ника перестала улыбаться.

Лара вошла с книгой. Тяжелая, в кожаном переплете, пахла старой бумагой и жженой глиной. На обложке печать дома Вейсар, крылатый пес с мечом, и рядом вторая — поддельная. Моя подпись, но не моя рука. Буква Р с длинной петлей, и хвост у а длиннее, чем я вывожу.

Лара положила книгу рядом с моей тарелкой.

— Расходная тетрадь Ники и хозяйственная книга дома в ваших руках, — сказал Арт. — Проверка на ваше усмотрение. Совет старейшин завтра.

Это было незаконно по уставу. Книгу передает хозяин лично, иначе запись не имеет силы. Арт сделал это через Лару, чтобы не дотрагиваться до книги при мне, чтобы Ника не увидела, как он смотрит на мои руки.

Я раскрыла книгу на странице с итогом квартала. Нашла красную строку о дорожных Нике. Ниже — строку о кружеве, обозначенном «ткань для обивки». Еще ниже — мед, обозначенный как овес. Цифры сходились у меня в голове третью ночь.

— Хозяин, — сказала я, и голос у меня не дрогнул, — в книге расходов по графе «ткань для обивки» проходит кружево, сорок марок. По графе «овес для конюшни» проходит мед, тридцать марок. И в строке «дорожные Ники» подпись не моя. Это подделка, изготовленная через месяц после моего ухода из дома.

Я положила книгу на стол, раскрытую, ладонью прижав угол страницы.

Лотар замер. Лара перестала дышать. Ника побледнела до губ. Медальон на ее груди больше не качался.

Я взяла супницу и долила себе супа. Рука у меня не дрожала. И в этот момент печать на моем запястье впервые за три дня стала не жаркой, а просто теплой.

Арт положил ложку.

— Лотар, — сказал он, — снимите копию страницы. Сейчас. Под печать дома и подпись управляющего.

Лотар вышел. Лара вышла. В зале остались я, Соня, Ника и Арт.

Ника поднялась. Кружево на ее платье было мятое, и я видела на нем следы от утюга. Дорогое кружево, по сорок марок, и тот же утюг, что обжег локоть Нитте.

Писец поднял перо. — Хозяин, — сказала Ника, — это клевета бывшей жены, которую выгнали из дома за бесплодие.

Я почувствовала, как у Сони под столом сжались кулаки. Я положила ладонь на колено сестре и тихо сжала ей пальцы.

— Это книга, — ответил Арт, — и решение принимаю я. Садитесь.

Ника села. Я подняла глаза, и печать снова стала жаркой. Напротив меня сидел мужчина, которого я три года считала изменником, и при мне он впервые за долгое время не солгал.

Лотар вернулся с медной коробочкой и двумя палочками сургуча. Арт зажег свечу, растопил сургуч сам, прижал печать сам. Крылатый пес с мечом лег в темно-красный круг.

— Копия страницы из книги расходов снята сегодня в моем присутствии, — сказал Арт, не поднимая глаз. — Разночтения по графе «ткань для обивки», «овес для конюшни» и «дорожные» — на сорок, тридцать и двенадцать марок. Подпись подделанная. Передаю копию Лотару для хранения в хозяйственном архиве, оригинал книги возвращаю жене.

Жене. Не бывшей. Не гостье. Жене.

Я прижала руку к бедру под столом. Печать на запястье поднялась от тепла к настоящему огню. Нитта шевельнулась у моего колена, и я накрыла ее ладонь своей.

Ника встала. Кружево качнулось на груди.

Радан не перебил. — Хозяин, — сказала она, — книгу вела не она. Она ушла из дома три года назад и не имеет права голоса.

— Имеет, — ответил Арт. — Пока печать жива, она старшая кровная женщина этого дома. Это решение не мое и не твое. Это решение дома.

Я выдохнула. Я ждала, что он скажет «мое», и была готова ударить его книгой по пальцам, но он сказал «дома», и от этого мне стало еще больнее, потому что правильно он умел говорить, только когда не врал.

Ника села. Пальцы у нее побелели на краю тарелки.

— В таком случае, — сказала она тихо, — я требую собрать совет старейшин завтра. Не послезавтра. Завтра. С договором о приданом и медальоном матери дома.

Арт поднял глаза на нее.

— Совет соберется, когда я скажу.

— Хозяин, — она улыбнулась, и я увидела, как у нее дрогнул левый угол рта, — старейшины ждут меня сегодня к вечеру. Я могу поехать в город. Сейчас. И вернуться с ними к утру.

Арт положил печать обратно в коробочку.

— Можешь, — сказал он. — Езжай.

У меня в груди стало холодно. Он отпустил ее в город, к старейшинам, с медальоном мертвой женщины и сорока марками кружева за пазухой.

Я положила книгу обратно на стол. Закрыла. Прижала обеими руками.

В комнате снова стало тихо. — Хозяин, — сказала я, и собственный голос показался мне чужим, слишком ровным, — если Ника уезжает в город, я прошу выдать мне охранную грамоту на Соню до возвращения совета. По праву старшей кровной женщины дома. Соню нельзя выдавать, продавать и перемещать за пределы замка без моего письменного согласия, пока печать жива.

Арт смотрел на меня. Долго. Я успела заметить, как у него на виске бьется жилка, и как он переложил большую правую руку со стола на колено, и как он разжал пальцы.

— Лотар, — сказал он, не отводя от меня глаз, — принеси бланк охранной грамоты. Печать дома я прижму сам. Подпись — моя.

Лотар вышел. Ника встала. Она прошла мимо меня к двери, и я почувствовала запах ее духов. Горькие, с нотой полыни и медвяного. Три года назад я думала, что эти духи принадлежат ей. Сейчас подумала, что она тоже когда-то считала, что они мои.

— До утра, — сказала она в дверях.

Дверь закрылась. Шаги по коридору. Тишина.

Соня под столом разжала кулаки и взяла меня за руку. Нитта положила голову мне на колено. Печать горела ровным сильным жаром, как маленькая жаровня под кожей.

Арт сидел напротив. Ложка лежала рядом с его тарелкой. Он не ел.

— Суп, — сказал он тихо, — остыл.

— Да, — ответила я. — Пусть Лара подаст горячий.

Лотар вернулся с бланком охранной грамоты и чистым пером. Я промокнула перо, подвинула чернильницу к себе и начала писать.

«Охранная грамота выдается старшей кровной женщиной дома Вейсар, Рианой, печать которой жива и подтверждена поверенным городского совета Дареном, на имя младшей сестры, Сони, четырнадцати лет от роду. Запрещается выдавать, продавать, перемещать за пределы замка и владений дома Вейсар, а также передавать под опеку, опекунство и воспитание любым лицам, кроме матери, дочери и кровных сестер означенной Сони, без письменного согласия старшей кровной женщины дома. Срок — до решения совета пяти родов или снятия печати».

Я подвинула лист к Арту. Он взял перо из моих пальцев. Между нашими руками прошла волна жара, и печать вспыхнула так, что я зашипела сквозь зубы. Он услышал. Глаза у него дрогнули. Он подписал быстро, прижал сургуч сам. Крылатый пес с мечом лег в темно-красный круг.

Лотар взял грамоту, спрятал в нагрудный карман и кивнул.

— Лара, — сказал Арт, не оборачиваясь, — горячий суп и хлеб. На четверых.

Лара вошла с подносом. От него пахло мясом, лавровым листом и подгоревшей коркой. Она поставила тарелку передо мной, и я увидела, что ложка лежит отдельно, на салфетке, и салфетка — белая, чистая, из тех, что хранились в хозяйском шкафу для особых обедов.

Нитта вынырнула из-под стола и села рядом с Соней. Соня молча положила ей хлеб на край тарелки. Нитта взяла хлеб обеими руками, и я заметила, что левая у нее забинтована заново — кто-то перевязал, пока я писала.

Я зачерпнула суп. Пар поднимался над тарелкой, и я вдруг поняла, что не ела ничего с утра, кроме корки хлеба. Живот свело. Я сделала первый глоток и почувствовала, как по телу разливается сытное тепло.

Арт ел напротив. Молча. Ложка стучала о край тарелки, и этот стук был единственным звуком в зале, кроме дыхания детей и далекого скрипа досок в коридоре. Между нами лежала грамота с двумя подписями и печатью, и кружок сургуча еще не остыл, и я видела, как он блестит в свете свечей.

Соня подняла глаза от тарелки. Посмотрела на меня. Посмотрела на Арта. Потом тихо сказала:

— Это как в сказке. Только суп горький.

Суп не был горьким. Он был пересолен чуть-чуть, как будто Лара плакала, когда солила.

— Сказки, — сказала я, — всегда солонее, чем кажутся.

Нитта хихикнула, зажав рот ладонью. Соня улыбнулась, и у нее на щеке появилась ямочка, которой я не видела три года.

Арт поднял глаза от тарелки. Посмотрел на меня, потом на Соню, потом на Нитту. Я впервые за вечер увидела у него на лице что-то, что не было ни холодом, ни расчетом. Это было удивление, тихое, растерянное, как у человека, который зашел в чужой дом и обнаружил там свой детский стул.

Он отложил ложку.

— Завтра совет, — сказал он. — Лотар принесет копию книги. Грамоту я отдам в архив сам. Если Риана захочет говорить первой — пусть говорит первой. Ее слово стоит больше моего в этом доме.

Он встал. Стул скрипнул. Он прошел мимо меня к двери, и запах его одежды — железо, хвоя, сухой дым — ударил мне в висок, и печать обожгла запястье.

В дверях он остановился. Не обернулся.

— Спасибо за суп, Лара.

Дверь закрылась. Шаги по лестнице. Тишина, в которой слышно, как потрескивает свеча в канделябре.

Нитта доела хлеб и положила голову Соне на плечо. Соня обняла ее одной рукой, а другой нашла под столом мою ладонь и сжала.

Я держала в руках чужую ложку, и у меня на коленях спала чужая девочка, и моя сестра смотрела на меня так, как будто впервые за три года поверила, что я вернулась не одна. Завтра совет, и у меня в кармане передника лежит поддельная расписка на сто двадцать марок, а под сердцем — грамота, которая стоит дороже.

Лара забрала тарелки. Суп в них почти остыл.

Я встала, отряхнула колени. Нитта подняла голову и посмотрела на меня снизу вверх.

— Госпожа, — сказала она, — а завтра меня тоже послушают?

Я присела перед ней на корточки. Ее перевязанная рука лежала на колене, и я накрыла ее своей.

— Послушают, — сказала я. — Если ты захочешь говорить.

Она кивнула. Глаза у нее были серьезные, и я впервые подумала, что ей не восемь, а все десять, и что она пережила в этом доме больше, чем я за три года в приюте.

Я взяла Соню за руку, Нитту за другую, и мы пошли по коридору к лечебнице. Лотар ждал у двери с фонарем. Он не сказал ни слова, просто кивнул и пошел впереди, освещая дорогу. На лестнице пахло капустой и холодным камнем, и где-то наверху хлопнула дверь — это Ника собирала вещи.

В лечебнице я усадила Соню и Нитту на кровать, накрыла одной шалью. Потом подошла к столу и достала из нижнего ящика чистый лист. Я села и начала писать показания для Дарена — перечень расхождений по книге, подделанные подписи, имена свидетелей. Рука у меня больше не дрожала.

Нитта уснула, свернувшись калачиком. Соня сидела рядом, не спала, смотрела, как я пишу.

— Риана, — сказала она тихо, — а если завтра совет решит, что ты не старшая?

Я отложила перо.

— Тогда я уйду. И уведу тебя.

— А Нитту?

Я посмотрела на спящую девочку. На ее перевязанную руку. На синяк под ухом, который она прикрывала губчиком.

— И Нитту, — сказала я. — Если она захочет.

Соня кивнула. Она впервые за три года не спросила, куда мы пойдем.

Соня все еще спала, вытянувшись на узкой койке, как подрезанная. Я накрыла ее курткой Арта и пошла вниз. На лестнице пахло сырым камнем и остывшей кашей, кухонная пристройка уже дышала холодом, потому что печь к утру забыли подтопить.

Ивар стоял у дверного косяка, сжимал в кулаке моток тонкой проволоки и смотрел на меня так, будто я ему задолжала.

— Госпожа Риана.

Я остановилась.

— Что?

— Дверь в лечебницу. Прежний замок ржавый. Я поставил новый, ключ на подоконнике.

Он говорил коротко, без словословий, словно докладывал кузнецу. Я знала, что он имеет право войти в кабинет Арта для ремонта цепи камина. Цепь была старая, звено за звено, и я видела, как он возился с ней позавчера, пока я мерила Нитте температуру.

— Спасибо, — сказала я.

Он не кивнул и не поклонился. Только отступил на шаг, и я заметила у него на поясе, под клещами, маленький бронзовый знак с вензелем старшей жены дома. Тот самый, который

носила Лара, пока Седая была жива. Теперь знак висел у него. Я не спросила почему, потому что в доме Вейсар одни вопросы стоят денег, а другие — крови.

Я взяла ключ с подоконника. Медь была теплая, как только что вынутая из огня, хотя печь в кухонной пристройке давно остыла. Я сжала ключ в кулаке, пошла к себе в лечебницу и на секунду остановилась перед дверью. Латунная пластинка на новом замке была уже не пустая, на ней кто-то нацарапал ножом вензель. Вейсар. Не просто метка, а весь герб: драконья голова, корона из семи звеньев, под ней хвост, свернутый в кольцо. Я провела пальцем по царапине. Грубовато, но точно. Ивар никогда не ставил чужой знак на свою работу, он ставил тот, под которым жил.

Я отперла дверь, вошла, положила ключ на стол рядом с банкой мази и села считать.

Цифры не сходились. Книга Ники кончалась на шестьдесят восьмом серебряном за месяц, я вывела на отдельный лист расхождения за два, итого копейка в копейку сходилось на семьдесят два. Но в кладовой Лары по второй тетради, которую я выпросила под предлогом трав, за тот же срок ушло еще сорок один серебряный, и в графе расход кузнец записал двадцать серебряных за новый замок. На двери лечебницы. На моей двери. Я перечитала строку и закусила губу.

Получалось, что деньги на замок для меня платил не Ивар из своих. Это были хозяйские деньги, которые Ивар списал под отчет. А подпись под его распиской стояла не моя, не Арта, не Лары. Подпись стояла Ники. Это значило, что Ника знала про новый замок. А раз знала, значит, санкционировала. Потому что прежний замок был ее, ржавый, чтобы чужие шаги под дверью лечебницы были слышны наверху, в хозяйском крыле.

Я достала из-под матраса письмо Седой и подписанный Артом лист. Положила рядом с квитанцией матери на сорок серебряных и перечитала каждую строчку. Потом написала на чистом листе, прямо по черновику, пять строк.

«К расходной книге дома Вейсар за два месяца. По книге Ники расхождение семьдесят два серебряных. По кладовой Лары за тот же срок сорок один. Итого сто тринадцать. В том числе двадцать серебряных за новый замок в двери лечебницы, списанные под подписью Ники. Замок поставлен кузнецом Иваром после отъезда прежней ключницы.»

Подписала. Спрятала лист в кожаный конверт.

За стеной снова хлопнула дверь. Не парадная, черная, к кухонной пристройке. Я выглянула в коридор и увидела Лару. Она несла поднос с чайником и тремя чашками. На скуле у нее расплывался желтый синяк. Она увидела, что я смотрю, и опустила глаза.

— Кто?

— Ника, — ответила Лара тихо. — За ключ, который я отдала не тому, кому она велела.

Я втянула ее в лечебницу, посадила на табурет, взяла с полки вторую банку мази, ту, с лавандой и пчелиным воском. Синяк был свежий, подсохшая кровь под кожей, не разлив. Я намазала скулу, не жалея, и метка под рукавом стала теплой без толчка.

— Лара, — сказала я. — Зачем она поставила ржавый замок на эту дверь?

— Чтобы слышать шаги, госпожа. Чтобы знать, когда вы выходите и к вам приходят. Прежний управляющий докладывал ей каждое утро.

— А новый замок?

— Господин Ивар поставил его вчера на рассвете. Он сказал Нике, что задвижка разносится и пройдет любой, кто захочет. Она не проверила.

— Ивар списал за него двадцать серебряных из хозяйских денег, а не из своих.

— У него своих нет, госпожа. У него только этот дом.

Я посмотрела на ключ в своей руке. Потом на синяк у Лары. Потом на лестницу, по которой через час должны были сойтись к обеду Арт и Торис, чтобы обсудить опись имущества за год. Я сложила вчетверо лист с расхождениями, прижала к виску и минуту молчала.

— Лара. Когда приедет поверенный совета, ты будешь свидетельницей по расходной книге. Здесь, в лечебнице, не в большом зале. Скажешь, что расходную тетрадь всегда вела Ника и что ключ от кладовой она отдавала себе сама.

— Госпожа, если она узнает, она...

— Она узнает, — сказала я. — Я хочу, чтобы ты успела сказать первой.

Лара кивнула. У нее задрожали пальцы. Я налила ей чаю, тот, горький, из общего котла, и подвинула к ней кусок хлеба. Она пила медленно, а я сидела рядом и считала в голове сто тринадцать серебряных, двадцать из которых Ивар потратил на замок, чтобы мои шаги под дверью больше не были чужими.

Потом я заперла лечебницу на новый замок, ключ повесила на пояс поверх передника и впервые за неделю положила его на виду.

За стеной хлопнула входная дверь. Это Ника вышла к карете. Я слышала, как Лотар отпирает ворота, как скрипят колеса по мокрому снегу. Потом тишина.

Я дописала показания. Подписала. Положила в кожаный конверт к письму Седой. Конверт спрятала под доску кровати, рядом с распиской Ники на кружево.

Печать на запястье светилась ровным оранжевым светом, и я впервые за три дня уснула без ключа под подушкой.

Глава 5. Разговор после совета

Первый звук в доме утром - это не будильник, а ее шаги. Лара ставила медный чайник на плиту и несла миску для Нитты по левому коридору, мимо моей двери, тихо, как мышь, чтоб не задеть. Я слышала, как прогибается половица под ее тяжелой поступью, и успевала отвернуться к стене, делая вид, что сплю. Не из вежливости, просто не хотела показывать, как у меня трясутся руки.

Соня спала рядом, свернувшись под серой шалью, которую выдала Лара. Под шалью - тонкое одеяло, под одеялом - моя сестра четырнадцати лет, ради которой я согласилась жить под одной крышей с бывшим мужем. Ее дыхание было ровным, теплым, безопасным, и от этого мне стало только хуже. Я знала, что она здесь только потому, что я попросила у старейшин право, которое мне приписала печать. Право голоса за нее. Право голоса для старшей кровной женщины дома. Звучало как приговор, на самом деле - как сделка с людьми, которые не хотели отдавать меня сестре чужому лорду.

Я села, свесив ноги с кровати, холодный пол обжег ступни. Через щель в ставнях тянуло сыростью и дымом соседней деревни, и где-то в глубине дома скрипнула дверь - это Арт ушел в кабинет, я узнала его шаг, тяжелый и немного неровный на правую ногу. Печать на моем запястье отозвалась теплом, не жаром, просто теплом, будто кто-то положил ладонь поверх кости. Три дня назад я ненавидела это тепло. Сегодня это было единственное, что говорило мне, что я в своем уме.

Под подушкой лежала записка, которую я вчера вытащила у слуг. Записка от матери. Она писала, что если я не откажусь от Сони публично, она выдаст ее лорду Корвену сама, через совет, и плевать ей на мои права. Писала мелким почерком, который я помнила по всем ее счетам из лавки. Я спрятала письмо между страницами лечебной книги, туда, куда никто не полезет - в описание язвенной горячки, между случаем трехлетней давности и списком трав для ожогов.

Лара постучала тихо, едва слышно, как стучат только к тем, кого боятся разбудить.

- Госпожа, - сказала она через дверь, - к вам пришли. Мира с рынка. Говорит, что у нее новости по вашему делу и она не уйдет.

- Пусть войдет, - сказала я, торопливо натягивая платье. - И пришли ко мне Соню.

- Она уже здесь, госпожа. С самого рассвета. Я несла для нее молоко.

Мира вошла, пахнувшая репейником, дешевым маслом и рыбой, в мятой шали и с корзиной, в которой всегда были чужие письма. Она никогда их не читала - передавала адресату лично, как делают почтальоны в тех местах, где почтальонов не любят. Сегодня в корзине у нее лежал серый сверток, перетянутый бечевой.

- Риана, - сказала она, не здороваясь, потому что мы были знакомы слишком долго, чтоб тратить время на вежливость. - Тут тебе две новости, одна хуже другой. Плохая - Ника вчера ходила к настоятельнице Иввей с жалобой, что ты не имеешь права держать у себя Соню без согласия матери. Хорошая - Иввей ей отказала, потому что у тебя есть подпись лорда и печать жива. Плохая - мать твоя вчера подала прошение в городской совет. Хорошая - совет его вернул, потому что не имеет права решать за старшую кровную женщину дома Вейрхов.

Мира выложила сверток на стол, и я развязала бечеву. Внутри была копия прошения матери - видимо, кто-то в совете снял для Мира копию, потому что Мира не умела писать, зато умела договариваться с людьми, которые умели.

- Она просила отдать тебя под опеку лорду Корвену на тех же условиях, на каких отдала меня, - сказала Мира, глядя на меня так, как смотрят на чужую беду, которую видели много раз. - На свадьбу через месяц, если ты не откажешься от Сони.

- Она не имеет права, - сказала я. - Я забрала Соню по праву старшей кровной женщины.

- Имеет, - поправила Мира, - если ты откажешься сама. И она тебя вынудит, потому что у нее есть письмо, в котором ты отказываешься от сестры три года назад. Подписано твоей рукой. Помнишь?

Я помнила. Я тогда уходила из дома Арта, мне нужно было отказаться от всего, чтоб городской совет не забрал меня в уплату долга, и я подписала все, что мать подсунула. Один лист, в графе - отказ от сестры. Это было условие моего ухода.

- Копия или оригинал? - спросила я.

- Оригинал, - сказала Мира. - У нее хранится. Ника привезла из города.

В коридоре раздались шаги Арта, тяжелые и неровные, и я почувствовала, как печать снова теплеет, уже не на запястье, а где-то под ребрами. Он остановился за дверью, и я знала, что он слышит, потому что дверь была тонкая, а он слушал хорошо.

- Позови его, - сказала я Мире. - Если уж он тут.

Арт вошел, молча кивнул Мире, посмотрел на развернутый лист на столе, потом на меня. У него были темные круги под глазами и запах железа - он всегда так пах по утрам, когда точил бритву.

- Я слышал, - сказал он, не спрашивая.

- У тебя есть право поставить свою подпись под моим отказом от отказа, - сказала я. - Ты лорд дома, я твоя кровная женщина по печати, моя сестра живет в твоём доме. Подпиши, что сестра остается здесь под моей защитой до тех пор, пока я не решу иначе.

Он смотрел на меня, не мигая, и я видела, как у него на скуле дернулась мышца. Нитта рассказала мне, что эту ссадину оставила Ника, я записала. Сейчас ссадина почти зажила, осталась тонкая белая полоска, как отметина от чужого ногтя.

- Это публично, - сказал он.

- Да, - сказала я. - Публично. У тебя есть старейшины, у меня есть сестра. Подпиши.

Он подошел к столу, взял перо из моей руки - его пальцы были холодные, и я отдернула ладонь раньше, чем он успел коснуться, - и подписал ниже моей строки. Подпись была короткая, четкая, как у человека, который привык подписывать приговоры.

- Теперь, - сказал он, - пусть попробуют.

Мира смотрела на мою руку, на перо, которое теперь лежало на столе, и я видела, что она считает. Мира всегда считала - то серебро, то слова, то чужие поступки, и редко ошиблась. Сейчас она сложила в уме мою просьбу, подпись Арта, его лицо и решила, что нам хватит.

- Завтра, - сказала она, - к полудню будет копия у настоятельницы Иввей, и Ника это узнает через два часа. Дальше твоя мать.

- Дальше моя мать, - повторила я, и это звучало как приговор, потому что мать не из тех женщин, которые сдаются на полпути.

Мира собрала корзину, кивнула Арту без улыбки - они не любили друг друга, и оба это знали, - и ушла. В коридоре пахло ею еще с минуту, репейником и рыбой, потом запах вытеснил дым из кабинета, в котором Арт стоял, не двигаясь, и смотрел на меня так, будто я была задачей, которую он не знал, как решать. Потом он сказал:

- Соноу я видел утром. Она несла молоко из кухни, и у нее руки ледяные.

- У нее всегда ледяные руки, - сказала я. - Это не твое дело.

- Мое, - ответил он, и я не стала спорить, потому что он был прав: пока она под моей защитой, она и под его крышей, и его долг - проследить, чтобы она ела. Это звучало странно из его уст, но я уже привыкла, что от него звучит странно все, что он говорит мне, а не про меня.

Я поднялась, взяла лечебную книгу со стола, сунула в нее записку матери поглубже, между страницами про язвенную горячку и список трав от ожогов, и прижала к груди. Арт смотрел на книгу, на мои руки, на запястье, где под кожей тлела печать, и я видела, как у него сжались челюсти. Он знал, что в книге что-то есть, и не спросил. Это было между нами, как и все остальное, - молчание, которое мы оба выбрали.

- Мне нужно к Нитте, - сказала я. - У нее вчера поднялся жар, и я хочу посмотреть повязку.

- Я провожу, - сказал он.

- Не надо, - сказала я, и сама услышала, как это прозвучало - резко, почти грубо, и сразу пожалела, потому что он не сделал мне ничего, кроме подписи, и подпись была публичной.

Он чуть отступил от двери, давая мне пройти, и запах его - железо, хвоя, сухой дым - остался у меня на плече, как чужое прикосновение. Я шла по коридору, прижимая книгу к груди, и слышала его шаги за спиной, тяжелые и неровные на правую ногу. Он не отставал и не догонял, просто шел на полшага сзади, как идет хозяин дома за женщиной, которую только что признал при всех.

У двери лечебницы стояло ведро с чистой водой, и я поняла, что это Лара, Лара всегда оставляла воду, когда кто-то из детей мог проснуться в жару. Я толкнула дверь плечом, вошла, и запах трав и лаванды ударил мне в нос, как знакомый кулак.

Нитта сидела на кровати, босая, в чужой рубашке до пят, и смотрела на меня большими глазами. Соня сидела рядом, читала ей вслух по складам, и голос у Сони был тихий, ровный, как у учительницы в приюте. Я остановилась у двери, забыв, что хотела войти быстро, потому что в этой маленькой комнате было все, ради чего я согласилась жить под одной крышей с бывшим мужем: моя сестра, чужой ребенок, который мне поверил, и теплая печка, в которой горела не зола.

- Дай посмотрю руку, - сказала я Нитте, присев перед ней на корточки, и она послушно подняла локоть, на котором под повязкой розовела заживающая кожа.

- Соня, - сказала я, не оборачиваясь, - после повязки мы поедем, и я посмотрю твою сумку. Завтра к тебе придет учитель из городской школы.

- Учитель? - спросила Соня, и в голосе у нее было столько удивления, что я почувствовала, как у меня сжимается горло.

- Учитель, - повторила я. - По праву старшей кровной женщины я могу потребовать для тебя место в школе, и я потребовала. Лорд подписал.

За спиной у меня Арт кашлянул, и я знала, что он там, в коридоре, и слышит каждое слово, и молчит, потому что я сказала правду. Я не обернулась. Я сняла повязку с локтя Нитты, осмотрела рану, намазала мазью, которую сама же сварила вчера, и подумала, что впервые за три дня я делаю что-то своими руками, и это не документ, и не спор, а просто работа, за которую мне никто не должен.

Когда я выпрямилась, в коридоре уже никого не было. На подоконнике лежал ключ от черной лестницы - новый, медный, без бирки. Я взяла его, и он оказался теплым, как будто его держали в руках, и я поняла, что это значит: дом признал мою территорию, и я больше не гостья, и даже не бывшая жена, а человек, у которого есть ключ и работа, и сестра, которую я увезу отсюда только вместе с собой.

Ключ жег ладонь через холодный металл. Я сжала его и пошла по черной лестнице вверх, считая ступени, чтобы не думать о том, что Арт только что подписал мне право на сестру и на учителя, и на кусок чужой жизни, который я отвоевала не поцелуем и не слезами, а двумя строчками под моей подписью. На седьмой ступени я остановилась, потому что услышала шаги внизу, тяжелые, неровные, с припаданием на правую ногу, и печать под рукавом дернулась, как натянутая струна. Он не окликнул. Я пошла дальше.

В кладовой пахло сушеной мятой и старым деревом. Я зажгла свечу, достала с верхней полки жестяную коробку с ее меткой и высыпала на стол. Под крышкой лежало не то, что я ожидала. Вместо ленты или засушенной розы - длинный женский локон, перевязанный ниткой, и записка без подписи, всего четыре строки: "Если он женится снова, верни ему ключ от старой башни. Седая знает." Я перечитала дважды. Локон был мой, срезанный с моей головы в первую брачную ночь, я помнила ножницы и его руку на моем плече, и холод, и как он дышал мне в

висок, не говоря ни слова. Я спрянула локон обратно, закрыла коробку и поставила на место. Записку положила в лечебную книгу, между страницами про родимчик и лихорадку, рядом с материнским письмом, и прижала книгу к груди.

В коридоре было пусто, только на стене дрожал от сквозняка факел. Я пошла к Нитте, потому что обещала, и потому что мне нужно было занять руки работой, пока голова не расколослась от мысли, что Седая, мертвая, снова расставляет сети в моей жизни. У двери лечебницы стояло ведро с чистой водой, и я вспомнила, что уже видела его утром, и поняла: Лара знала, что я приду. Я толкнула дверь плечом.

- Болит? - спросила я, осторожно снимая бинт.

- Нет, - сказала Нитта, и это было ее первое слово за утро.

Соня смотрела на нас, и я видела, что она считает повязки, банки, травы, и решает, хватит ли нам всего до конца недели. Не хватит. Я знала, что не хватит.

- Учитель? - переспросила Соня, и в голосе у нее было столько удивления, что я почувствовала, как у меня сжимается горло.

Нитта вдруг подняла руку и дотронулась до моей щеки сухими пальцами.

- Ты плачешь, - сказала она.

- Нет, - сказала я, - это от дыма.

- Тут нет дыма, - сказала Соня тихо, и я поняла, что она видит меня насквозь, как видят только младшие сестры, которые знали тебя до первого мужа и после последнего.

Я наклонилась, поцеловала Нитту в макушку - пахло лавандой и печным теплом - и выпрямилась. В глазах у меня жгло, но я списала это на бессонную ночь.

- Учись, - сказала я Соне, - читай ей дальше. Я принесу кашу.

Когда я вышла в коридор, Арт стоял у стены, и в руке у него была кружка, от которой пахло мятой. Он не предложил мне, и я не попросила. Он смотрел на книгу, прижатую к моей груди, и я видела, что он знает: в ней что-то есть, и что я не отдам.

- Локон, - сказал он вдруг, и я вздрогнула, потому что не ожидала, что он начнет первым. - Нашла?

Я не ответила. Я прошла мимо него, и печать на запястье дернулась, обдала жаром, потом остыла, и я поняла: он солгал. Не сейчас, а когда-то, в первую ночь, когда ножницы резали мои волосы, и он делал вид, что это ритуал, а не память.

- Мне нужна мука, - сказала я на кухне, обращаясь к Ларе, и экономка молча поставила передо мной миску, и я замесила тесто для каши, и руки мои наконец перестали дрожать.

Мука была старая, с жучком, и я просеяла ее трижды, чтобы вытащить личинок и шелуху, и руки мои наконец перестали дрожать только на дне миски, когда я поняла, что у меня есть дело, у которого есть начало, середина и конец, и никто, кроме меня, не решает, сколько воды лить в тесто. Лара варила кашу в соседнем горшке, молчала, но молчала так, будто знала цену моему молчанию и не лезла с жалостью. Я месила, и через стену было слышно, как Соня читает Нитте по складам: "ко-ро-ва, лю-ди, хо-лод-но", и голос у сестры не дрожал, и я зацепилась за этот голос, как за протянутую руку.

На пороге черного хода лежал чужой плащ. Я узнала ткань - дорогое сукно, мужское, с серебряной застежкой в виде головы ящерицы. Ника ходила в плащах Арта, а плащи Арта не валялись у кухни. Кто-то вошел через заднюю дверь, пока мы варили кашу, и Лара этого не услышала, потому что мы варили кашу. Я отряхнула руки, нашарила полотенце, пошла к двери и увидела кухарку: та стояла за полкой со специями и трясущимися руками насыпала перец в миску для Ники. Я остановилась в дверях, и печать на запястье медленно потеплела, а потом кольнула, как иглой.

- Положи, - сказала я негромко, и кухарка вздрогнула. - Это перец, его не просят сыпать без моего приказа. Я хозяйка на кухне, пока печать жива.

- Она сказала - подать, - пролепетала кухарка, не поднимая глаз.

- Она не хозяйка, - ответила я. - Перец назад.

Кухарка ссыпала перец обратно, и я заметила у нее под фартуком краешек записки, сложенной вчетверо, и прежде чем она спрятала руки за спину, я уже знала, что там: приказ к утру. Записку я не стала брать. Я кивнула, отпустила ее и повернулась к Ларе.

- Ложь, на которой стоит этот дом, кончается сегодня, - сказала я экономке, не повышая голоса. - Ника рассылает приказы по кухне через чужие руки. Покажи мне список ее людей, я хочу знать, кто покупает ей молчание.

Лара не ответила сразу. Она сняла с огня горшок, поставила на поднос и только тогда посмотрела на меня - долгим, материнским взглядом.

- Ты выдержишь совет, девочка? - спросила она. - Тебя там жгут словами, а не огнем, и это больнее.

- Я выдержу совет, - ответила я. - Я три года выдерживала чужой дом без печати. С печатью выдержу совет.

Лара кивнула, подошла к связке ключей на своем поясе и сняла маленький, серебряный, от материнского очага. Я знала, что она не отдаст его до разговора с лордом, но она сняла его и положила на полку передо мной, рядом с медным ключом от черной лестницы, чтобы я видела, что ключ уже мой по праву, и я должна только попросить. Я ничего не сказала. Я взяла миску с кашей и пошла наверх, в лечебницу, потому что там меня ждали две девочки и одна работа, и это был единственный на сегодня титул, который я могла носить без стыда.

У двери лечебницы я остановилась. На пороге сидел Арт, по-турецки, спиной ко мне, и перед ним на полу была расстелена старая карта дома. Он водил по ней пальцем, хмурился, и правое плечо у него дергалось, будто внутри шла борьба, которую я не видела. Печать на моем запястье вспыхнула так, что я зашипела сквозь зубы, и Арт вскинул голову раньше, чем я успела закрыть рукавом запястье.

- Ты варила, - сказал он, не вставая. - Каша из старой муки пахнет жучком. Я знаю.

Я не подошла. Я стояла и смотрела на него сверху вниз, и впервые за утро чувствовала не страх, а ту самую тяжелую ясность, ради которой люди и возвращаются в чужие дома.

- Соня сегодня ночует здесь, - сказала я, не ответив на жучка. - В этой комнате. По праву старшей кровной женщины и по твоей подписи в книге. Я не спрашиваю. Я ставлю тебя в известность.

Он поднялся, и карта сложилась под его ладонью. Он смотрел на мою руку с книгой, на мое плечо с полотенцем, и я видела, что он считает: сколько я уже забрала у него сегодня, и хватит ли ему. Хватит. Я знала, что хватит.

- Где будет спать Нитта? - спросил он, и в голосе у него не было раздражения, только усталость.

- Здесь, - ответила я. - На полу. Я постелю себе у двери. Печать не пустит чужого мужчину в эту комнату до зари, и это единственное правило, которое я сегодня готова благодарить.

Арт кивнул. Я поднырнула под его рукой и вошла, и дверь за мной закрылась, и ключ в замке повернулся с тихим медным шелчком, и я поняла, что завтра начинается другая жизнь.

Глава 6. Долг в книге

Сырое перо лежало у моего локтя, и я никак не могла заставить себя его взять. Передо мной на столе лежала хозяйственная книга дома Вейсар, та самая, которую Торис забыл на скамье у кладовой, а Лара достала из нижнего ящика, потому что больше никто не решался. Тяжелая, в темной коже, с медными застежками, которые едва не заело. Я открыла ее на странице с подписями Арта.

Итог квартала. Подпись. Красная строка о дорожных Нике. Вторая подпись, торопливая, косо легшая по отношению к первой. Я вела по строчкам пальцем, и подушечка все еще хранила тепло его ладони через пергамент. Он сидел рядом, когда ставил их. Он молчал, и я молчала. Ночь отдавала мне эту книгу по праву печати, и он это впервые признал публично, чернилами, а не словом.

За стеной, в коридоре восточного крыла, кто-то прошел тяжелым шагом. Я узнала этот шаг. Кованный сапог, правая нога с утра хромала сильнее, чем обычно. Он у двери лечебницы остановился, и я услышала, как скрипнула половица, но не решился. Кружка чая в его руке тонко звякнула о фарфоровый край. Я не обернулась.

Тетрадь Ники в сером переплете лежала под книгой, как подлог под приговором. Луч солнца через мутное стекло падал на нее, и я видела свои выписки из сверки: сорок восемь серебряных марок лишнего жалования за полгода, выданные под видом расходов на содержание покоев второй жены, которые по уставу ей не полагались. Лотар, новый управляющий, подтвердил мне эти цифры дрожащим голосом и попросил не упоминать его имени до совета. Я согласилась. У меня не было выбора, потому что Лотар принес мне и поддельную расписку на сто двадцать марок, спрятанную у Лары, как признание собственного молчания. Подделана моя печать. Изготовлена Никой через месяц после моего ухода. Под передником у меня сейчас, кроме книги, лежала эта бумага, и она жгла кожу через ткань сильнее, чем метка на запястье.

Я услышала, как в коридоре открылась дверь напротив. Ника вышла из хозяйского крыла в новом платье с медальоном Седой поверх ключиц, и Лара, шедшая за ней с подносом, остановилась, увидев свет в моем окне. У нас были считанные минуты до того, как кто-нибудь постучит. Я быстро прижала пальцем последнюю строчку в книге, где расхождение по жалованию сходилась до копейки, и поднялась. Колени хрустнули. Пол в лечебнице никто не мыл два месяца, и я собиралась это исправить не для Ники, а для Сони, которая ночует здесь с Ниттой и панически боится сквозняков.

Дверь открылась раньше, чем я успела вытереть руки.

В лечебницу вошла кухарка с ожогом предплечья, за ней следом прачка с распухшим пальцем, за прачкой мальчишка-конюший с порезом на скуле. За их спинами стоял Арт, который все-таки переступил порог, и молча смотрел, как я здоровой рукой достаю из шкафа чистые бинты, а больной снимаю рубашник.

Кухарка поклонилась мне, не ему. Нитка молча вышла из-за печи, где пряталась, и села рядом со мной на табурет, протягивая перевязанную ладонь. Арт поставил кружку с чаем на край стола, где уже стояла моя чашка.

Я не посмотрела на него.

Маленькая медная ступка для мазей стояла передо мной, и я начала растирать сухую траву, которую он никогда не называл по имени. Метка на запястье грела ровно, не обжигая, когда он был рядом, и я впервые за эту ночь поняла, чего мне будет стоить завтрашний совет, если я сгорю от собственного тепла, как сгорает крыша над главным очагом.

Прачка показала мне палец.

Рана была глубокая. Я промыла ее настойкой, которую сварила утром, отжала марлю, посмотрела на мальчишку, который ждал своей очереди, и подняла голову. Арт все еще стоял в дверях.

Попросил слова. Сейчас. Иначе я потеряю право говорить первой.

Я подняла глаза на дверной проем раньше, чем успела спрятать пинцет в карман передника.

Арт стоял не как хозяин, который пришел спросить, почему под его лечебницей скопились три чужих раны. Он стоял как человек, которому в коридоре стало тесно, и кружка в его руке дрожала совсем незаметно, потому что правая кисть всегда дрожит после рассвета, когда крыло горит особенно сильно. Он видел, как кухарка поклонилась мне, а не ему. Он видел, как Нитка подвинулась на табурете, чтобы дать мне место. Это я прочитала по его скуле, стиснутой так, что желвак проступил под старой ссадиной.

Я отвернулась к прачке. Не из злости, не из наказания. Рана была гнилая, и ждать я не могла.

Двери в лечебницу за моей спиной закрылись, но сквозняк не пошел. Он встал у косяка и не двигался, и я отлично знала, что он считает вдохи, потому что когда-то сама его этому научила. На свадьбе, где было много лжи и мало воздуха, он дышал так же ровно, и я сказала ему тогда, что это единственное, чему его мать не научила.

Пальцы прачки распухли вдвое против нормы. Ожог от щелока, который она разводила для белья, не от печи. Запах щелока я узнала раньше, чем увидела красноту. Эта работа принадлежала Нике, потому что прачка относилась к хозяйственному крылу, и я не снимала с прачки ответ за чужую глупость. Я промыла палец холодной настойкой, наложила компресс из льняной тряпицы, которую Соня утром принесла из кухни, и перевязала чистой лентой.

Соня где-то здесь, в коридоре или за печью. Я услышала, как она тихо сказала Нитте, что нельзя трогать горячий кувшин, и вздрогнула от облегчения, которого не хотела показывать.

Мальчишка-конюший сел на лавку сам, без понукания. Порез на скуле, ровный, от ножа. Я посмотрела на скулу, потом на дверной проем, где Арт не двинулся.

Твоих рук дело, спросила я, не оборачиваясь.

Нет, ответил он низко.

Этого хватило, чтобы кровь под моими пальцами не вскипела. Я промыла мальчишке скулу, как прачке, наложила пластырь из вошеной ткани, отпустила и велела вернуться завтра, если кожа пойдет красными пятнами.

Кухарка все еще стояла, держа ожог на виду, чтобы я не забыла. Я кивнула, подвинула к ней табурет, жестом показала, чтобы Арт отошел от двери. Он отошел на полшага. Этого было мало, потому что я хотела, чтобы он увидел, как кухарка опускает рукав и подставляет предплечье. Ожог был не от печи, а от крутого кипятка, который на нее выплеснули нарочно. Я спросила тихо, чтобы не слышали в коридоре, кто плеснул. Кухарка замаялась. Я ждала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.